

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция
(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс
(направленность (профиль))

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)**

на тему «Проблемы уголовно-правового противодействия взяточничеству и иным коррупционным преступлениям»

Обучающийся

Н.А. Новоселов
(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, Ю.О. Мещерякова
(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретические аспекты уголовно-правового противодействия взяточничеству и иным коррупционным преступлениям.....	12
1.1 Понятие взяточничества и иных коррупционных преступлений	12
1.2 Причины и условия возникновения взяточничества и иных коррупционных преступлений	22
Глава 2 Уголовно-правовые основы противодействия преступлениям, связанные с дачей и получением взятки и иными коррупционными преступлениями.....	36
2.1 Предмет преступлений, связанных с дачей взятки и иными коррупционными преступлениями.....	36
2.2 Объективные и субъективные признаки преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами коррупционных преступлений	40
Глава 3 Проблемы и перспективы развития системы уголовно-правового противодействия взяточничеству и коррупционным преступлениям	45
3.1 Проблемы отграничения провокации взятки от смежных составов преступления	45
3.2 Проблемы назначения наказания за преступления, связанные со взяточничеством и иным коррупционным преступлениям	54
Заключение	62
Список использованной литературы и используемых источников.....	66
Приложение А Распределение ответов граждан и сотрудников правоохранительных органов.....	78
Приложение Б Распределение ответов (в %) граждан и сотрудников правоохранительных органов на вопрос: «Как Вы считаете, количество зарегистрированных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и	

иными видами незаконного вознаграждения, соответствует действительному?».....	79
Приложение В Результаты анкетирования граждан и сотрудников правоохранительных органов относительно уровня коррупции и видов коррупционных услуг, а также причин и противодействия коррупции	80
Приложение Г Динамика преступлений, связанных со взяточничеством и иными коррупционными преступлениями в Российской Федерации.....	81

Введение

Актуальность исследования магистерской диссертации обусловлена тем, что коррупция и взяточничество являются одними из самых разрушительных проблем, которые существуют во многих странах мира. Они подрывают основы демократии, нарушают законность и порядок, ущемляют права и интересы обычных граждан. Противодействие этим явлениям является одной из главных задач Правительства Российской Федерации и общественных организаций.

В каждом послании Президента РФ в последние годы одной из ключевых тем является противодействие коррупции. Руководство страны понимает, что коррупция является серьезной угрозой для развития экономики и общества в целом.

Анализ последних посланий Президента РФ подтверждают, что противодействие коррупции остается важной темой для государства. В каждом послании особо выделяется необходимость борьбы с этим явлением и создания эффективной системы противодействия. Президент акцентирует внимание на том, что коррупция негативно влияет на экономическое развитие страны, подрывает доверие граждан к власти и снижает эффективность работы государственных органов.

Особое внимание уделяется предотвращению коррупционных проступков в правоохранительной сфере, судебной системе и в государственном управлении. Президент призывает к принятию жестких мер по пресечению коррупционных проявлений и созданию условий для развития честного бизнеса.

В последних посланиях отмечается значительный прогресс в борьбе с коррупцией: создание антикоррупционных институтов, разработка законодательства, усиление ответственности за коррупционные деяния.

В уголовно-правовых мерах, направленных на борьбу с коррупционными действиями, особое значение приобретает разработка и

внедрение нормативных актов, способствующих эффективному пресечению коррупции. В рамках данных мероприятий ключевую роль играет принятие Федерального закона №324-ФЗ от 3 июля 2016 года, который включает статью 291.2, «Мелкое взяточничество». Этот законодательный акт обеспечивает правовую платформу для борьбы с коррупцией, подчеркивая важность прозрачности и законности в государственных и общественных институтах [2]. Эта статья объединяет самостоятельные нормы о даче и получении взятки, что требует тщательного сравнения существующего состава преступления с новыми положениями. Введение такой статьи отражает стремление государства к более жесткому пресечению коррупционной деятельности и созданию более эффективных инструментов борьбы с этим явлением.

Для эффективной борьбы с взяточничеством и коррупцией необходимо создание эффективной системы контроля и наказания. Власти должны создать независимые антикоррупционные органы, которые будут иметь полномочия расследовать подозрительные случаи и привлекать виновных к ответственности. Эти органы должны быть оборудованы не только современными технологиями, но и иметь достаточное финансирование, чтобы эффективно выполнять свои функции.

Кроме того, необходимо проводить меры по профилактике коррупции и воспитанию антикоррупционной культуры. Это должно начинаться со школьной программы, где дети должны получать знания о вреде коррупции и осознавать, что они сами могут быть активными участниками борьбы с этим злом.

Степень разработанности темы. Теоретические основы уголовно-правовой природы взяточничества и иных коррупционных преступлений были отражены в работах С.С. Назарова, И.М. Мацкевича. Данные ученые в большой степени в своих работах подчёркивали злоупотребление должностными лицами своих полномочий.

Объектом исследования является взяточничество и иные коррупционные преступления.

Предметом исследования являются нормы уголовного права, федеральное законодательство, подзаконные акты связанные с коррупционными действиями и судебная практика.

Целью исследования является теоретический и практический анализ проблем уголовно-правовой направленности с целью разработки рекомендаций по их совершенствованию.

В достижение поставленной цели обусловило постановку и решения следующих задач:

- раскрыть понятийный аппарат взяточничества и иных коррупционных преступлений;
- выявить причины и условия возникновения взяточничества и иных коррупционных преступлений;
- раскрыть предмет преступлений, связанных с дачей взятки и иными коррупционными преступлениями;
- изложить объективные и субъективные признаки преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами коррупционных преступлений;
- изложить проблемы и перспективы развития системы уголовно-правового противодействия взяточничеству и коррупционным преступлениям.

Методологическую основу в рамках диссертационного исследования составили аналитический, сравнительно-правовой методы и метод юридического анализа на которых строится вся концепция работы.

При использовании аналитического метода исследования, первым делом необходимо глубоко погрузиться в изучение существующих уголовно-правовых норм, исследовать их структурные особенности и выявить недостатки. Это позволит понять, как именно законодательство предназначено для борьбы с коррупционными преступлениями и в каких областях оно нуждается в совершенствовании. Основной акцент должен быть сделан на криминально-правовых аспектах взяточничества, его последствиях для

общества и государства в целом. Далее, сравнительно-правовой метод выступает как мощный инструмент, позволяющий сравнить различные подходы к борьбе с коррупцией.

Сопоставление законодательства разных стран, изучение их практик и механизмов, направленных на минимизацию коррупционных проявлений, раскрывает широкую палитру методов, начиная от законотворческих инициатив и заканчивая практическими механизмами исполнения.

Как показывает практика, в разных юрисдикциях работают разные схемы, и этот метод поможет выявить те аспекты, которые можно адаптировать или перенять. Это как собирать пазл из успешных решений и находить наиболее эффективные сочетания. Метод юридического анализа, в свою очередь, будет использоваться для более глубокого понимания и интерпретации норм уголовного права, регулирующих борьбу с коррупцией. Он требует критической оценки судебной практики, анализу дел, связанных с коррупционными преступлениями, недостаткам в доказательственном процессе, а также практики применения норм, регулирующих ответственность за взяточничество. Анализируя решения судов, необходимо выяснить, какие факторы влияют на вынесение тех или иных приговоров; как применяются различные смягчающие и отягчающие обстоятельства.

В диссертации будет осуществляться комплексный подход к изучению проблемы взяточничества и коррупции, что подразумевает использование множества методов, позволяющих получить наиболее полное представление о текущей ситуации.

Такой подход позволяет не только выявить пробелы в законодательстве, но и предложить практические рекомендации по улучшению уголовно-правового регулирования. В итоге применение данных методов исследования ведет к формированию универсальных решений, которые можно будет адаптировать под условия конкретного правового порядка, тем самым усиливая борьбу с негодными практиками взяточничества. Поэтому, следуя логике, приводит к более обоснованным и стратегически целесообразным выводам,

направленным на реальное улучшение состояния борьбы с коррупцией в обществе.

При написании магистерской диссертации была использована нормативно-правовая база: Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, федеральные законы, постановления Высшего суда Российской Федерации, постановления Конституционного суда Российской Федерации, а также подзаконные акты принятые в целях противодействия коррупции.

Теоретическая база данного исследования включает монографии, кандидатские диссертации и научные труды российских ученых в области уголовного права и уголовного процесса.

Научная новизна исследования заключается в представлении авторского определения взяточничеству и другим формам коррупционных преступлений.

Инновационный вклад данного исследования заключается в разработке комплекса новаторских научных результатов, охватывающих теоретические аспекты, законодательные инициативы и практические рекомендации по борьбе с коррупционными преступлениями, такими как взяточничество и другие неправомерные виды вознаграждения. Полученный научный результат представляет собой логически структурированную, согласованную и интегрированную систему знаний, которая формирует специализированную теорию в области уголовного права и находит свое дальнейшее развитие в рамках диссертационного исследования в контексте текущего состояния российского уголовного законодательства.

Автором была разработана инновационная концепция, направленная на уголовно-правовое противодействие коррупционным деяниям, в том числе взяточничеству и другим видам незаконного обогащения. Этот подход стал фундаментом для законопроекта, предложившего интеграцию новой главы, фокусирующейся на коррупционных преступлениях, в секцию Уголовного кодекса, охватывающую деяния, направленные против государственной власти, службы в государственных и муниципальных органах, а также против

интересов частных и иных организаций и управленческой дисциплины. В данной концепции были четко определены основные принципы, цели, задачи и основные направления борьбы с коррупцией. Также были разработаны конкретные нормы и критерии для признания действий коррупционными, связанными с получением незаконной выгоды.

Основные положения, выносимые на защиту:

Во-первых, в центре внимания настоящего обсуждения находится проблематика несоответствия определений коррупции и коррупционных преступлений в законодательстве, что вызывает необходимость их уточнения и улучшения законодательной базы в части борьбы с преступлениями, связанными с коррупцией. В связи с этим предлагаются авторские определения следующего характера: Коррупция – это аморальное явление, выражающее собой недопустимое использование законодательства или иных нормативных правил в целях личного обогащения или достижения каких-либо иных собственных интересов за счет общества, государства или отдельных индивидуумов. Коррупция также рассматривается как незаконное облегчение процедур доступа к ресурсам или их предоставление, которые осуществляются сторонними лицами, будь то физическими или юридическими субъектами.

Преступления, связанные с получением и предоставлением взяток, а также другие формы незаконного вознаграждения, характеризуются как действия, определенные Уголовным кодексом РФ как преступные. В этих случаях незаконное вознаграждение является ключевым элементом преступления. Преступные действия основаны на злоупотреблении служебным положением или статусом в целях получения материальных или нематериальных благ для себя или третьих лиц, включая незаконное содействие или посредничество в этих действиях. Уменьшение суммы взятки, передаваемой через посредника, могло бы в определённой мере облегчить проблематику, связанную с ролью посредника в процессе взятничества. Это обусловлено тем, что в настоящее время существует диспропорция в

ответственности, возлагаемой на посредников, зависящая от суммы передаваемой взятки. В частности, лицо, участвующее в передаче взятки размером свыше 25 тысяч рублей, оказывается в более выгодном положении по сравнению с тем, кто передаёт взятку меньшего размера.

Во-вторых, основополагающими характеристиками преступлений, включающих в себя элементы получения, предоставления взяток и других форм неправомерных вознаграждений, выступают одинаковые причины их криминализации. Они также имеют общий объект уголовной защиты, определяемый законодательством в областях публичного и частного права. В зависимости от роли незаконного вознаграждения в конкретном случае оно может быть основным или второстепенным объектом преступления.

Внесение изменений в структуру Уголовного кодекса Российской Федерации путем создания отдельной главы «Коррупционные преступления» в Особенной части представляется оправданным. Эта глава будет включена в десятый раздел с обновленным названием «Преступления против государственной власти, интересов государственной и муниципальной службы, а также против интересов коммерческих и других организаций и управленческого порядка». Такое изменение позволит четко определить характеристики общего объекта уголовно-правовой защиты. Это соответствует наименованиям других глав и обеспечивает логическую последовательность и системность в структуре Уголовного кодекса.

На текущий момент наблюдается несоответствие в уровнях обобщения рассматриваемых объектов, что затрудняет корректное применение уголовного законодательства на основе научных критериев.

Спецификации требует и подход к определению того, какие именно преступления следует включать в новую главу. Целесообразно ограничиться теми преступлениями коррупционной направленности, в которых коррупционное деяние является составной частью преступления. В случаях, когда коррупционное деяние выступает лишь методом осуществления преступления или определяет его как квалифицированный вид,

инкорпорирование таких деяний в рассматриваемую главу не представляется логичным из-за отличающегося приоритета объектов защиты.

Общественная и государственная потребность в пресечении подобных деяний, включая международный контекст, защита критически важных интересов через уголовно-правовые механизмы, предупреждение преступлений, совершаемых с целью незаконного обогащения, учитывая их высокую общественную опасность; наличие связи между преступлением и использованием лицом своего служебного положения для получения любых видов выгоды, а также содействие в предоставлении такой выгоды.

Проведенное исследование, посвященное анализу коррупционных преступлений, включая взяточничество и другие формы неправомерного вознаграждения, имеет как теоретическую, так и практическую значимость в контексте уголовного права и криминологии. Предложенные в работе определения коррупции и ее преступных проявлений могут служить основой для исследования характеристик данных преступлений в свете российского, иностранного и международного законодательства.

Анализ собранных и проанализированных данных о трудностях, возникающих при квалификации коррупционных преступлений, указывает на потенциальные недочеты существующих подходов к их классификации, определению признаков и неэффективность текущих мер борьбы с коррупцией. В результате исследования выявлены проблемы, с которыми сталкиваются специалисты в области уголовного права при разграничении коррупционных деяний от других видов преступлений, что является важным вкладом в развитие теории и практики борьбы с коррупцией.

Процесс апробации исследования включал его выполнение, представление и последующее одобрение к защите на профильной кафедре, а также публикацию основных результатов в научном издании.

Структура работы организована следующим образом: включает в себя введение, основные разделы, разбитые на девять подразделов, а также заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретические аспекты уголовно-правового противодействия взяточничеству и иным коррупционным преступлениям

1.1 Понятие взяточничества и иных коррупционных преступлений

Обзор ранних законодательных инициатив, направленных на борьбу с коррупцией, представляет собой интересный и многогранный процесс, охватывающий несколько значимых этапов в развитии русского уголовного законодательства [1].

Коррупция, как социальное явление, проявлялась на протяжении всей истории, и ее корни уходят в глубокую древность, однако именно в XX столетии наблюдается активизация правовой борьбы с этим бичом, что обусловлено общим ростом осознания ее вреда для общества [4]. Первым шагом можно считать уже существовавшие в царской России законы, касающиеся служебных преступлений. Например, в Уголовном Уставе 1845 года упоминались правонарушения государственных служащих, но меры, предусмотренные им, были, скорее, символические, чем действительно действенные [17]. Очевидно, это было вызвано недостаточной правоприменительной практикой и отсутствием строгих критериев для наказания.

Проблема усугублялась также тем, что многие случаи коррупции оставались незамеченными либо замалчивались. С переходом к новым социально-экономическим условиям после революции 1917 года, законодательство начало эволюционировать [18]. В 1922 году был принят декрет, который вводил уголовную ответственность за подкуп и взяточничество. Этот документ стал основой для формирования более конкретных норм, хотя и не без огрехов, касающихся формулировок и возможных злоупотреблений при интерпретации этих норм. Спустя несколько лет, в 1936 году, в новая редакция Уголовного кодекса уже более четко

определяла взяточничество как преступление, устанавливая фиксированные наказания за эти действия. Однако, вместе с тем, нужно отметить, что в указанный период наблюдалось и множество случаев, когда борьба с коррупцией использовалась как инструмент политического преследования. То есть, не всегда законы и инициативы были направлены исключительно на борьбу с бесчестием; часто они служили для подавления оппозиции и создания атмосферы страха среди населения.

Важным шагом вперед стала работа над новой редакцией Уголовного кодекса в 1960-е годы, когда внимание органов власти к проблеме коррупции значительно возросло [34]. В конце 1980-х годов, в контексте перестройки и открытости общества, началось более активное изучение и внедрение международного опыта в борьбе с взяточничеством. Наконец, распад Советского Союза привел к необходимости пересмотра всего законодательства, включая законы, регулирующие борьбу с коррупцией.

Современное уголовное законодательство России обширно и многообразно, касаясь различных аспектов борьбы с коррупцией и взяточничеством. Важнейшими нормативными актами, определяющими уголовную ответственность за данные преступления, выступают Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) [87] и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [29]. Так, например, статьи 290 и 291 УК РФ четко формулируют преступления, связанные с получением и дачей взятки, устанавливая конкретные санкции и условия, при которых такие деяния могут быть квалифицированы как уголовные [77]. Важно отметить, что в контексте анализа действующих норм необходимо учитывать и особенности их применения [85].

Например, законодателем предусмотрены различные формы взяточничества – как активная, так и пассивная, что создает определенные сложности в правоприменении. Не всегда бывает очевидно, какие обстоятельства являются смягчающими, а какие – отягчающими. Так, в некоторых случаях могут возникнуть затруднения при доказательствах связи между предложением взятки и действием должностного лица, что требует от

правоохранителей не только эффективных методов расследования, но и специализированных знаний. Обзор существующих норм также показывает, что законодательство дает возможность различной интерпретации понятий, связанных с взяткой.

В этом вопросе открываются просторы для широкой практики и оценки, что, к сожалению, иногда приводит к произвольному подходу со стороны судей. Это повышает риск коррупции в самом процессе борьбы с ней. Стоит также упомянуть, что современный правопорядок требует комплексного подхода к взяточничеству как к многогранному социальному феномену. Поэтому в законодательной практике открываются новые горизонты: внедрение различных учреждений, задачей которых является мониторинг и профилактика таких преступлений [89]. Одна из последних инициатив - создание специальной судебной юрисдикции для дел о коррупции, что в свою очередь может повысить качество правоприменения. Но не обошлось и без критики.

Множество ученых и практиков указывают на недостаточную четкость формулировок в статьях кодекса, что ведет к правовым пробелам и неразберихе. Например, в случае, когда взятка была предложена в виде товаров, а не денег, применение уголовных норм может вызвать сомнения. Каждый случай требует индивидуального подхода, что ухудшает ненужную нагрузку на суды и правоохранительные органы [37]. Таким образом, комплексный обзор действующих норм показывает, что уголовное законодательство России в области борьбы с взяточничеством обеспечивает определенную правовую структуру, однако оставляет пространство для разнообразного толкования и правоприменительных ошибок.

Для улучшения функционирования текущей системы требуется не только внесение поправок в действующее законодательство, но и его дальнейшее развитие в терминологическом аспекте, что в перспективе способствует более результативной борьбе с коррупционными проявлениями и укреплению доверия населения к органам правопорядка [39].

Преступления, связанные с коррупцией, классифицированы в 30 главе в

десятом разделе Уголовного кодекса Российской Федерации, именуемом «Преступления против государственной власти», содержится недостаточно точное отражение защищаемых законодательством интересов общества [40]. Ведь в рамках этого раздела рассматриваются не только действия, непосредственно направленные против государственных структур, но и противоправные поступки сотрудников государственных и муниципальных организаций. Эти действия влияют на область общественных взаимоотношений, формирующихся в ходе осуществления законных задач этих организаций в секторе некоммерческой деятельности. М.Н. Кулаков предложил заменить название данного раздела на «Преступления против интересов публичной службы» [32].

Существует дискуссия среди ученых касательно определения взяточничества. Так, С.С. Назаров и другие исследователи утверждают, что закон, регулирующий взяточничество, предназначен для защиты принципа безвозмездности в работе госслужащих, который является фундаментальным для государственной и общественной службы [42]. В контрасте с этим, А.Э. Бадалов и другие эксперты считают, «что защита от взяточничества основывается на поддержании авторитета государственной власти» [16]. Эти исследователи подчеркивают, что должностные преступления наносят урон корректной функциональности государственного аппарата, не уделяя должного внимания конкретному объекту преступления. Автор диссертации соглашается с этим мнением, однако подчеркивает необходимость детального анализа непосредственного объекта преступления.

В.О. Далевич акцентирует внимание на важности анализа содержания непосредственного объекта преступления, указывая на то, что «каждое преступление целенаправленно противостоит определенным общественным связям, что должно определяться индивидуально для каждого случая» [21]. Он также выделяет ошибочность смешивания понятий видового и непосредственного объектов преступления, поскольку оба эти понятия должны относиться к одной сфере общественных отношений.

Наиболее обоснованным является подход, который предполагает его

отдельное рассмотрение для каждого конкретного случая, учитывая специфику посягательства на общественные отношения.

Относительно непосредственного объекта, который является главным в анализе преступления взяточничества, наиболее обоснованным кажется мнение О.Е. Калпинского [24]. Он определяет его как отсутствие материальной выгоды в деятельности государственных служащих в их взаимоотношениях с физическими лицами. Важно добавить, что это утверждение также применимо к взаимодействиям с организациями. В контексте изучения взяточничества акцентируется внимание на таких аспектах, как репутация и авторитет государственного аппарата.

В результате, прямым объектом преступления, связанного с взяточничеством, является нарушение неприкосновенности авторитета органов государственной и местной власти. Этот аспект выделяет особенность преступления, связанного с взяточничеством, когда государственный служащий преступает запрет на принятие незаконной выгоды за выполнение служебных обязанностей, тем самым подрывая законные общественные интересы, которые должны быть охраняемы. Важным компонентом данного преступления, наряду с его объектом, выступает предмет, а именно – взятка. Эту позицию поддерживает В.В. Крюков, с которым мы согласны [31]. В то же время взятку можно рассматривать как инструмент преступления. Мнение В.В. Крюков представляется нам обоснованным, поскольку взятка, хоть и не входит в состав объекта, но имеет непосредственную связь с ним, что является важным аспектом предмета преступления.

Статья 290 Уголовного кодекса Российской Федерации охватывает широкий спектр форм взяточничества, включающий не только денежные средства и ценные бумаги, но также иную собственность. К ним относятся незаконное предоставление услуг имущественного характера и передача других имущественных прав [87]. Наиболее частой формой взятки остаются денежные средства.

В соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации под денежными средствами подразумеваются как иностранные, так и

российские денежные единицы, которые циркулировали в финансовой системе на момент совершения преступления [22].

Вопрос о времени предоставления взятки, будь то до или после выполнения действий, стимулированных незаконным вознаграждением, не влияет на квалификацию действия как взяточничества. Существуют две основные формы взяток: предварительно обговоренная взятка, где условия выполнения определенных служебных действий за незаконное вознаграждение устанавливаются заранее, и взятка в виде благодарности, которая передается после выполнения условленных действий [20]. Важно разграничивать взятку, данную в знак благодарности, от обычного подарка, что отражено в научной литературе.

А. Магуза выделяет особенности законодательного регулирования, подчеркивая, «что законодательство преднамеренно смягчает ответственность за посредничество в передаче незначительных взяток» [34]. Так, посредник в передаче взятки на сумму свыше 25 тысяч рублей сталкивается с более мягкими последствиями, чем тот, кто передает взятку меньшего размера, что требует отсылки к определенным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ).

Предложение о снижении порога суммы взятки для квалификации действия как посредничества во взяточничестве до уровня «мелкой» взятки могло бы устранить некоторые проблемы, связанные с несоответствием в ответственности. Это позволило бы более адекватно подходить к квалификации деяний посредников, учитывая различия в размерах передаваемых взяток.

В дополнение, Д.В. Мирошниченко предлагает исключить статью 291.1 УК РФ, обосновывая это наличием достаточных правовых оснований для привлечения к ответственности за взяточничество в соответствии с другими статьями УК РФ [41]. Такой подход позволил бы избежать дублирования норм и упростить правоприменительную практику.

Принимая во внимание определение взяточничества как процесса получения материальных выгод, следует учесть различные формы его

проявления. Эти формы включают в себя безоговорочное присвоение объектов, представляющих собой денежные средства, ценные бумаги, другие материальные активы, а также установление права собственности на них [7]. Важно отметить, что в соответствии со статьёй 169 Гражданского кодекса Российской Федерации [19], «любая сделка, цели которой противоречат основам правопорядка и морали, признается недействительной с момента ее заключения, согласно статье 167 того же кодекса. Незаконное приобретение права на взятку ведет к юридической недействительности таковой. Кроме того, использование услуг или других материальных преимуществ, получение прав, предоставляющих экономическую выгоду, или освобождение от обязательств также входят в категорию взяточничества».

Согласно изменениям, внесенным в статью 290 Уголовного кодекса Российской Федерации, «не имеет принципиального значения, кто является конечным получателем выгоды: должностное лицо лично или третье лицо по его указанию».

Законодательство устанавливает, что момент совершения преступления фиксируется с момента принятия должностным лицом любой части передаваемых ему ценностей.

Согласно законодательству, вымогательство определяется как действия должностного лица, направленные на получение взятки путем угрозы осуществить действия, способные нанести вред законным интересам физических лиц. В связи с этим, действия, предпринимаемые взяткополучателем, которые, хоть и являются законными, но влияют на интересы давателя взятки, не подпадают под определение вымогательства.

Приведем пример судебной практики: «профессор кафедры иностранных языков одного из государственных педагогических вузов, М., была признана виновной в получении взяток.

Суть обвинения заключалась в том, что она многократно получала от студентов денежные средства или продукты питания в обмен на положительные оценки в зачетных книжках без проведения соответствующей аттестации» [75]. Тем не менее Президиум Верховного Суда РФ пересмотрел

квалификацию этого дела, исключив признаки вымогательства на основании отсутствия достаточных доказательств того, что обвиняемая действительно действовала путем вымогательства [76].

При анализе состава преступления, связанного с взяточничеством, в соответствии со статьей 291.1 УК РФ, важно отметить, что оно предполагает активные действия. В рамках этой статьи действия могут быть классифицированы как прямая передача взятки от давателя к получателю или обратно, либо содействие в такой передаче. Как указывает Р.Н. Гордеев, суть посредничества во взяточничестве заключается в передаче информации о готовности стать посредником между сторонами сделки [18].

В.Н. Пахомов указывает «на отсутствие четкого определения понятия «глава органа местного самоуправления» как в уголовном законодательстве, так и в законодательстве о местном самоуправлении и муниципальной службе» [55]. Он подчеркивает, что значение определенных квалифицирующих признаков, упомянутых в части 4 статьи 290 УК РФ, опирается на нормы муниципального права, в том числе на положения Федерального закона от 6 октября 2003 года №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Кроме того, совершение коррупционных действий группой лиц по предварительному сговору или организованной группой является четвертым критерием, увеличивающим степень общественной опасности таких преступлений, согласно статьям 290, 291 и 291.1 УК РФ. Этот аспект подразумевает наличие соучастия, где первый тип соучастия предполагает наличие нескольких специальных субъектов – должностных лиц, действующих совместно.

А.В. Онуфриенко [47], и З.Д. Рожавский [76] разработали теорию, согласно которой коррупция рассматривается как интегрированное нарушение закона. В.Е. Фомина утверждает, «что процессы получения и предоставления взяток тесно связаны и не могут анализироваться отдельно, подчеркивая их взаимозависимость» [84]. К.Ю. Черябкина также поддерживает эту идею, указывая на необходимость доказательства осознания

обеими сторонами коррупционной сделки того, что обмен ценностями является взяткой, для возможности привлечения к ответственности за коррупционные преступления [85].

Однако такой подход вызывает дискуссии. Во-первых, в российском законодательстве нет единой статьи, охватывающей коррупцию как единое преступление.

Вместо этого действующий Уголовный кодекс РФ разделяет ее на два отдельных деяния, что не ведет к созданию нового юридического понятия, а лишь способствует более эффективной классификации и назначению наказания. Во-вторых, предложенная интерпретация применима только если обе стороны коррупционной сделки - вменяемые лица, что ограничивает ее применение в случаях, когда одна из сторон не осознает своего действия как коррупционное, исключая возможность привлечения к ответственности за получение взятки.

Брадлей А.В. предлагает другой взгляд на этот вопрос, рассматривая намерение получить взятку не как элемент коррупционной деятельности в целом, а как отдельное преступление. Это позволяет более четко разграничивать субъективные аспекты дачи и получения взяток [91].

Для определения вины необходимо установить наличие прямого умысла у должностного лица, которое осознает общественную опасность своих действий, предвидит и стремится к наступлению вредных последствий. Умышленное получение взятки влечет за собой осознание нарушения принципа бескорыстности публичной службы и отсутствие законных оснований для приема коррупционного вознаграждения, а также желание принять данное вознаграждение [90].

В научных исследованиях по уголовному праву часто высказывается мнение о том, что для преступления, предусмотренного статьей 290 Уголовного кодекса Российской Федерации, необходимо наличие корыстного мотива.

Законодательство не ставит задачей выявление особых мотивов за преступлением, а требует от правоохранительных органов лишь

доказательства факта получения имущественной выгоды взяточполучателем. Следуя упомянутой интерпретации, можно необоснованно освободить от ответственности лиц, совершивших преступление [92].

Подведем итоги данной подглавы. Взятничество и коррупционные преступления являются серьезными правонарушениями, подрывающими основы государственного управления и общественного порядка. В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации, взяточничество определяется как незаконное получение или предложение денежных средств, ценных бумаг или иного имущества для совершения действий (или бездействия) от имени должностного лица, а также за действия, которые оно вправе или должно совершить в своих должностных полномочиях (ст. 290 УК РФ). Важно отметить, что взяточничество охватывает как активное, так и пассивное получение взяток [93].

Активное взяточничество подразумевает предложение взятки, в то время как пассивное взяточничество связано с ее получением. Следовательно, оба вида взяточничества наносят ущерб как государственным интересам, так и социальным ценностям, создавая условия для злоупотребления властью.

Иные коррупционные преступления включают в себя не только взяточничество, но также служебный подлог, превышение должностных полномочий, а также другие действия, направленные на получение незаконной выгоды. Например, ст. 291.1 УК РФ устанавливает ответственность за посредничество во взяточничестве, охватывающее действия третьих лиц, которые могут способствовать организации передачи взятки.

Из всего вышесказанного автором диссертационного исследования, предложено следующее определение: «взяточничество и иные коррупционные преступления представляют собой совместный комплекс факторов несоответствия нормам законодательства, морали и этики». Это явление вызывает серьезные экономические и социальные последствия, ставя под угрозу устойчивое развитие общества и эффективное управление государством. Государственные органы продолжают активно бороться с коррупцией, внедряя новые меры по выявлению и пресечению

коррупционных правонарушений.

1.2 Причины и условия возникновения взяточничества и иных коррупционных преступлений

Исследование статистики, касающейся преступлений, включающих взяточничество и другие формы неправомерных выгод, является элементом криминологического анализа. Однако, данный подход не дает возможности для всесторонней оценки распространенности таких нарушений из-за их скрытого характера [62]. Эта скрытность, в первую очередь, вызвана спецификой осуществления этих преступлений. Выявлено, что преступления, связанные с взяточничеством, характеризуются особой труднообнаруживаемостью, обусловленной как объективными, так и субъективными факторами.

К таким условиям относятся способ совершения преступлений, заинтересованность сторон, статус лиц, принимающих взятки, невозможность их легального получения, а также недостаточная эффективность действий правоохранительных органов в области идентификации и следствия коррупционных преступлений.

Отмечается, что применение злоумышленниками сложных и тайных методов, а также тщательное скрывание своих действий, вместе с наличием организованных форм коррупции, особенно когда это касается значительных размеров неправомерных выгод и участия представителей власти, значительно усложняет процесс обнаружения таких преступлений и способствует их высокой скрытности [63].

Согласно исследованиям в области уголовного права, примерно 95% коррупционных дел остаются необнаруженными из-за их скрытой природы. Эксперты утверждают, что лишь 1-5% фактов коррупции становятся известны общественности, что делает их одними из наиболее трудно выявляемых преступлений [55].

И. М. Мацкевич подчеркивает, «что коррупционные преступления выявляются с трудом и имеют широкое распространение, что создает парадоксальную ситуацию, когда количество реально совершаемых преступлений значительно превышает число зарегистрированных случаев» [39]. Согласно мнению ученого, это подчеркивает парадоксальность и сложность ситуации.

Для улучшения статистики в области уголовных дел, важно интегрировать результаты исследований в систему официального мониторинга [48]. Регулярные опросы населения и экспертов, проводимые согласно определенным методикам, могут способствовать более точному отражению картины коррупционной преступности. Такой методологический подход к изучению коррупционных преступлений, включая взяточничество и другие формы неправомерного вознаграждения, предоставит глубокое понимание проблемы, обеспечивая объективность и применимость полученных данных [46]; [47]; [51]. Мониторинг, в свою очередь, позволяет отслеживать динамику преступлений и гарантирует достоверность результатов исследования.

В последнее время всё больше внимания уделяется коррупциометрии как новому научному направлению, занимающемуся комплексной оценкой коррупционных преступлений. Коррупциометрия исследует взаимосвязи между коррупционными деяниями и социальными, политическими, а также экономическими условиями [43]. Этот подход не ограничивается анализом статистических данных, но также включает в себя изучение влияния различных внешних факторов на коррупцию. Следовательно, коррупциометрия обогащает понимание коррупционных преступлений, предоставляя возможность для более глубокого и всестороннего анализа [44].

Проведенная аналитическая работа в рамках диссертационного исследования позволило изучить преступления, связанные со взяточничеством и коррупционными действиями, в которой были выявлены причины и последствия их скрытности [45].

Результаты, полученные в процессе исследования, проведенного в ходе

подготовки диссертационной работы, выявили наличие прямой связи между уровнем скрытности данных преступлений и результатами социологического опроса, организованного фондом «Общественное мнение» [71].

Полученные данные проведенного исследования позволили выявить, что уровень коррупции в России высокий и составляет 70 процентов, но в то же время 3 процента респондентов считают его низким. Более того, свыше 45% опрошенных выразили мнение, что степень коррупции в России превышает аналогичные показатели в большинстве европейских государств. Только 15% респондентов утверждают, что уровень коррупции в России сравним с европейскими странами, и лишь 8% считают, что он ниже, чем в Европе[72].

Проведенный анкетный опрос среди сотрудников правоохранительных органов и граждан Российской Федерации позволил перейти к общему выводу о том, что у тех и других схожая позиция во восприятии уровня коррупции в стране. Эти данные подчеркивают значительную обеспокоенность населения по поводу распространенности коррупционных деяний [73].

В ходе нашего опроса 85 процентов респондентов квалифицировали превалентность преступлений, которые связаны со взяточничеством, нелегальным вознаграждением и иными коррупционными преступлениями [74].

12 процентов респондентов считают уровень взяточничества как средний или низкий. По утверждению сотрудников правоохранительных органов уровень преступности в сфере взяточничества и коррупционных преступлений является негативной.

Мнения сотрудников правоохранительных органов разделились и 80 процентов из них считают его высоким или очень высоким. И 19 процентов респондентов считают уровень взяточничества и коррупции на среднем или низком уровне [70].

Следует отметить, что доля сотрудников правоохранительных органов принявшая участия в анкетном опросе была выше чем доля граждан.

Результаты распределения ответов граждан и сотрудников

правоохранительных органов на вопрос «Как Вы оцениваете уровень распространенности преступлений, связанных со взяточничеством и иными видами коррупционных преступлений, на сегодняшний день в Российской Федерации», представлены в приложение А.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что 48 процентов граждан и 47 процентов сотрудников правоохранительных органов считают, что уровень взяточничества является высоким, и 38 процентов и 32 процента считают очень высоким соответственно. 4 процента граждан затруднились ответить на данный вопрос, и 2 процента сотрудников правоохранительных органов также затруднились ответить [78].

Следующем вопросом анкетного опроса был «Как Вы считаете, количеств зарегистрированных преступлений, связанных со взяточничеством и иными коррупционными преступлениями, соответствует действительности». Результаты на данный вопрос представлены в приложение Б.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что 37 процентов граждан, считают, что реальное количество преступлений связанных со взяточничеством и иными коррупционными преступлениями значительно выше, чем представлены данные статистики. 28 процентов сотрудников считают также [86].

Следовательно, можно прийти к выводу, что существует теневая часть количества преступлений связанное с дачей взятки и ее получением, которая остается не раскрытой или не освещено в СМИ.

Также 12 процентов граждан затруднились ответить на данный вопрос, так как они не интересуются данными зарегистрированных преступлений коррупционной направленности и 4 процента сотрудников также затруднились ответить.

И только лишь у 17 процентов граждан и 12 процентов сотрудников правоохранительных органов были подтверждение данных официальной статистике.

Результаты ответов на вопрос о коррумпированности должностных лиц,

которые обладают особым правовым статусом представлены в приложение В.

Граждане (25 процентов) и сотрудники правоохранительных органов (23 процента) дали утвердительный ответ, что все должностные лица, которые имеют особый правовой статус коррумпированы. И 47 процентов и 28 процентов, считают, что большинство из чиновников коррумпированы. 16 процентов и 30 процентов считают, что меньшая часть должностных лиц подвержена данному пороку.

Более того, большинство опрошенных сотрудников правоохранительных органов (56,8%) указали на то, что наиболее скрытой является коррупция на высших уровнях власти, причиняющая значительный ущерб. В то время как лишь 10,7% респондентов считают наиболее скрытой коррупцию на низовом уровне, и 32,5% заявили о примерно равной степени скрытности коррупционных действий на всех уровнях.

«По мнению 47% участников опроса из числа граждан и 52% работников правоохранительных структур, уровень преступлений, связанных с коррупцией, включая взяточничество и получение неправомерного вознаграждения, остается неизменным.

В то время как повышение в этой сфере преступности отметили 30% опрошенных граждан и 27% сотрудников правоохранительных органов, снижение числа таких дел заметили лишь 9% граждан и 17% представителей правоохранительных органов. Не смогли дать определенный ответ на этот вопрос 14% граждан и 4% сотрудников правоохранительных органов» [56].

Исходя из результатов опроса, становится очевидным, что граждане и работники правоохранительных органов сомневаются в достоверности официальной статистики, связанной с преступлениями коррупционной направленности.

Это связано с их убеждением в том, что многие из таких дел остаются незамеченными и не включаются в официальные отчеты.

Анализ группы преступлений, относящихся к коррупционной деятельности и неправомерному получению выгод, занимает центральное место в исследованиях по борьбе с коррупцией.

Особое внимание уделяется изучению тех преступлений, которые включают в себя взяточничество, в том числе и преступления, связанные с получением взяток. Отмечается, что именно такие преступления часто занимают ведущие позиции в структуре коррупционных преступлений, что указывает на их значимость в общей картине коррупционной активности представлена в приложение Г.

Приведенная динамика преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, демонстрирует общий тренд на повышение значений, что также подтверждается сведениями, представленными на основании «Указания Генеральной прокуратуры РФ № 401/11 и МВД России № 2 от 17.01.2023 (далее по тексту – Указания Генпрокуратуры № 401/11/2)» [51].

В юридической сфере проблема взяточничества проявляется в виде получения материальных стимулов за осуществление действий, направленных на ослабление юридических последствий для обвиняемого. К примеру, это может включать в себя изменение квалификации деяния на менее серьёзное с точки зрения Уголовного кодекса Российской Федерации, что приводит к назначению минимально возможного срока наказания или его полному условному исчислению [35].

В результате таких действий, обвиняемый может быть досрочно освобождён или с него может быть снята судимость.

Проведённый сравнительный анализ показывает, что большинство случаев взяточничества приходится на исполнительную власть, составляющую 92-93% от общего числа таких преступлений, в то время как законодательная власть составляет лишь 7-8% [33]. Данная тенденция обусловлена несколькими факторами. В первую очередь, это связано с количественным преобладанием сотрудников в структурах исполнительной власти по сравнению с законодательной. Во-вторых, исполнительная власть обладает широким спектром полномочий и задач, которые имеют высокий потенциал для коррупционных рисков. Сюда относятся вопросы государственных закупок, предоставления лицензий и разрешений, а также

контрольно-надзорная деятельность.

Анализ институциональных условий, провоцирующих возникновение взяточничества в обществе, является ключевым шагом для понимания механизмов коррумпированной деятельности [5]. Первым делом стоит отметить структуру и организацию правовых и государственных институтов. Непрозрачные административные процедуры, например, могут служить благоприятной почвой для взяточничества. Если процесс получения разрешений, лицензий или иных документов затянут, и сопровождается множеством бюрократических барьеров, то это создает возможности для подкупа.

Общественные учреждения, такие как налоговые службы или правоохранительные органы, если они демотивированы, либо сильно подчинены личным интересам служащих, становятся потенциальными источниками коррупциогенной активности. Необходимо также выяснить, как работают механизмы контроля и надзора за проведением финансовых операций в бизнесе [7].

Порой отсутствие эффективного внутреннего аудита или внешнего контроля позволяет коррупционером действовать с безнаказанностью.

Институты, отвечающие за соблюдение законодательства, если они недостаточно независимы или протестируют под давлением политических кругов, могут принимать коррумпированные решения либо игнорировать явные факты коррупции [6].

С точки зрения социальной динамики, можно обратить внимание на культуру и нормы, сложившиеся в обществе. В обществах, где существует высокая степень приемлемости взяточничества или его скрытая легитимизация, коррупция зачастую расцветает. Если для гражданина нормально «решать вопросы» за деньги или «дружеские отношения», то такое поведение быстрее воспринимается как стандарт. Это, в свою очередь, создает опасный замкнутый круг: молодежь растет в среде, где взятки считаются нормой, а не отклонением [3].

Институциональные и культурные аспекты неразрывно связаны, и

работающие парадигмы коррупции могут передаваться от одного поколения к другому [8]. Не следует забывать о последствиях недостаточной информированности граждан. Если население не знает о своих правах, не понимает, как действовать в случае фактов коррупции, то оно, как правило, становится пассивным наблюдателем. Создание систем сигнализации и защиты тех, кто сообщает о взяточничестве, способно изменить эту динамику [9]. Формирование активного гражданского общества, в котором повышение осведомленности населения – приоритетный вопрос, помогает в борьбе с коррупцией.

Анализ институциональных условий, способствующих взяточничеству, требует комплексного подхода. Это не просто правовые или экономические факторы, а еще и социальные, культурные и институциональные связи, которые необходимо учитывать, чтобы создать эффективно работающую систему противодействия коррупции [66].

Обеспечив прозрачность, независимость и активное участие граждан, общество может значительно сократить уровень взяточничества и коррумпированности в своих институтах [68].

Экономические факторы играют важную роль в возникновении и развитии коррупции. Один из таких факторов - неравенство доходов и общий низкий уровень жизни [67].

Коррупция может стать инструментом для установления и поддержания авторитарного режима. Политические системы с минимальными правами и свободами часто привлекательны для коррупционеров из-за отсутствия контроля со стороны граждан [10]. Авторитарные режимы могут использовать коррупцию для подавления политической оппозиции и укрепления своей власти.

Однако следует отметить, что существуют и положительные примеры отношения политических систем к коррупции. Некоторые страны создают независимые антикоррупционные органы и усиливают механизмы контроля за деятельностью чиновников [11]. Прозрачность в принятии решений, доступ к информации и активное участие общественности также способствуют более

эффективной борьбе с коррупцией.

Политическая система и слабость институтов играют значительную роль в возникновении и распространении коррупции. Усиление контроля за деятельностью государственных органов, повышение ответственности политических деятелей перед обществом и создание независимых инстанций – необходимые шаги для предотвращения коррупции [12]. Только путем сочетания мер правительства, гражданского общества и международного сообщества можно достичь прогресса в борьбе с коррупционными преступлениями.

Социокультурные причины: Как ценности и нормы общества способствуют распространению взяточничества и коррупции являются серьезной проблемой, с которой сталкиваются многие страны по всему миру. Однако, чтобы понять, почему эти явления так широко распространены, необходимо рассмотреть социокультурные причины, которые лежат в основе данной проблемы.

Ценности и нормы общества играют ключевую роль в формировании поведения его членов. В тех культурах, где важность индивидуального благосостояния выше приоритета коллективных интересов или общего благополучия, вероятность возникновения коррупции значительно возрастает.

Один из факторов, который способствует распространению взяточничества и коррупции - это высокая ориентация на материальный успех.

В таких обществах люди склонны использовать свое положение для получения дополнительных доходов или привилегий.

Материалистическое мышление поддерживается потреблением товаров и услуг, которые символизируют статус и успех [38]. В этой ситуации коррупция может рассматриваться как способ достижения желаемых целей.

Культурные нормы также играют свою роль в формировании отношения к коррупции.

Например, если общество придает большое значение личной свободе и индивидуальным правам, часто элементарное пренебрежение законом или этикой воспринимается как выражение самостоятельности и независимости.

При этом люди могут оправдывать свои действия тем, что «все делают так» или «это единственный способ добиться результата» [36].

Коррупция также может быть результатом слабого правопорядка и неэффективной системы судопроизводства. Если государственные институты не работают должным образом, люди склонны использовать связь с представителями власти для достижения желаемых результатов. Отсутствие наказания за коррупцию или безнаказанность случаев подкупа создает благоприятную атмосферу для дальнейшего распространения данного явления [13].

Более того, в обществах, где существует значительное неравенство между богатыми и бедными слоями населения, коррупция может стать одним из способов перераспределения ресурсов. Бедные люди могут быть вынуждены платить взятки для получения доступа к необходимым услугам или преодоления системных преград [14].

Также следует учитывать исторический контекст. В ряде стран длительная история коррупции оказывает определенное влияние на формирование культурных норм и ценностей относительно этого явления. Если коррупция была широко распространена в прошлом, то общество может развить толерантное отношение к данной проблеме.

В современном обществе антикоррупционное законодательство является важнейшим инструментом борьбы с коррупцией, однако на практике оно сталкивается с рядом нормативно-правовых пробелов, которые затрудняют эффективное пресечение взяточничества и других коррупционных преступлений.

Одним из наиболее выраженных недостатков является отсутствие четких и конкретных определений коррупционных правонарушений. Часто законодатели ограничиваются общими фразами, не проясняя, что именно понимается под взяткой, служебным подлогом или незаконным обогащением [15]. Это приводит к двусмысленности, и как следствие – к правовой неопределенности.

В результате, такие недостатки способствуют тому, что

правоприменительные органы сталкиваются с трудностями в квалификации преступлений. Ещё одной проблемой, которая требует внимания, является недостаточная гармонизация национального законодательства с международными стандартами.

Например, в некоторых сферах, таких как налоговое или таможенное право, могут отсутствовать должные механизмы контроля, что создаёт лазейки для злоумышленников. К тому же, отсутствие обязательных требований по декларированию имущества и доходов в некоторых случаях также сказывается на открытости и доступности информации о действиях государственных служащих.

Далее, значительным фактором является недостаточный уровень ответственности для должностных лиц, что также можно считать одним из пробелов.

Мягкие санкции за коррупционные действия не создают должного сдерживающего эффекта. Ужесточение наказаний за коррупцию до сих пор остаётся предметом дебатов, но если законодательство не будет адаптировано под реальные условия, то оно не сможет эффективно предотвратить взяточничество. Не стоит забывать и о таких аспектах, как недостаточная защита лиц, сообщающих о фактах коррупции.

Отсутствие механизмов для обеспечения безопасности таких информаторов приводит к тому, что многие потенциальные свидетели боятся давать показания о преступлениях. Отсутствие реальных преференций для таких людей зачастую делает их потенциальными жертвами мести со стороны коррупционеров [23].

Заключительным аспектом является недостаток межведомственного взаимодействия и координации между различными органами власти. Разобщенность разного рода правоохранительных органов и контрольно-надзорных инстанций приводит к тому, что зачастую информация о коррупционных преступлениях оказывается рассредоточенной и не должна бы затрагивать общий контекст борьбы с коррупцией.

Таким образом, для улучшения ситуации необходимо пересмотреть не

только сами законы, но и подходы к их исполнению. Всё это в совокупности указывает на необходимость серьезной доработки антикоррупционного законодательства. Если правовые акты не будут адаптированы к современным реалиям, бороться с коррупцией станет ещё труднее, и правоохранительные органы окажутся в сложном положении, пытаясь найти хоть какое-то правовое основание для действий против преступников – которые, следует заметить, используют всё более утонченные схемы [26]. Итак, актуальность доработки и оптимизации антикоррупционного законодательства высока, а затягивание с её реализацией может привести к дальнейшему углублению проблемы коррупции в России.

Коррупционные практики в неправительственном секторе представляют собой серьезную проблему, которая, как правило, остаётся на фоне обсуждения более видимых случаев коррупции в государственных структурах [25].

Неправительственные организации – это, как правило, рычаги влияния, способные на уровень горизонта менять ситуацию в обществе, однако и они не застрахованы от соблазнов и мерзостей взяточничества и коррупционных связей. Во-первых, стоит упомянуть, что в неправительственном секторе, где финансирование часто зависит от грантов и пожертвований, может возникать давление на сотрудников НКО, вынужденных выбирать между моральными ценностями и материальными выгодами.

Например, получение финансирования на программу может стать поводом для предложений, где некто попытается «продать» идею, используя коррупционные схемы для повышения шансов на получение средств. Это как бы может быть не так заметно на фоне больших скандалов, но, тем не менее, создает системную угрозу. Кроме того, многие НКО не обладают достаточной прозрачностью в своей финансовой деятельности. Это позволяет легко манипулировать средствами, в том числе и использовать их в незаконных целях [27].

Отсутствие четких механизмов контроля и отчетности способствует возникновению коррупционных схем, когда средства, предназначенные для

социальных проектов, могут использоваться для личного обогащения. В этом контексте становится актуальным то, что в общественном сознании неправительственные организации зачастую воспринимаются как более этичные и честные, что, к сожалению, иногда создает для них «зеленый свет» на совершение правонарушений. И ещё – важно отметить, что внутренние практики некоторых НКО тоже могут оказывать влияние на коррупцию [28].

Часто в государственных учреждениях наблюдается непрозрачность процессов, что создает ситуации, при которых возможно злоупотребление служебным положением. Иногда это неосознанно, но в большинстве случаев – вполне преднамеренно. Когда система не имеет четких механизмов контроля, возникает «эффект безнаказанности», который способствует распространению взяточничества. Заметим, что пробелы в нормативно-правовой базе также затрудняют борьбу с коррупцией. Законы, порой, остаются невыполненными или их нормы слишком нечеткие, что дает возможность манипулировать правом. Некоторые аспекты законодательства о борьбе с коррупцией требуют пересмотра и адаптации к современным вызовам.

Определение, предложенное ранее, кажется не совсем точным, учитывая, что оно охватывает как элементы, присущие коррупционным деяниям, так и те, которые к коррупции не относятся напрямую, но ассоциируются с ней или рассматриваются в таком контексте.

В связи с этим, более адекватное понимание коррупционных преступлений предполагает их восприятие как совокупности действий, которые классифицируются как преступления по Уголовному кодексу Российской Федерации и осуществляются на основе злоупотребления лицом своего официального статуса или иного правового статуса в ущерб интересам индивидов, общества и государства с целью получения материальных или нематериальных благ для себя или третьих лиц, включая незаконное предоставление таких благ или содействие в их предоставлении.

Достигнут консенсус о том, что коррупционные преступления включают

в себя взяточничеств и другие виды неправомерных выгод. Определение таких деяний как преступных установлено в рамках Уголовного кодекса Российской Федерации [59]. В центре этих противозаконных действий лежит либо передача, либо прием незаконных вознаграждений, осуществляемые через злоупотребление служебным положением, что противоречит законным интересам индивидов, общества и государственной власти. Преступления направлены на извлечение не только материальной, но и нематериальной выгоды для себя или третьих лиц, а также на незаконное содействие такого рода выгодам.

Важно подчеркнуть несколько аспектов. Во-первых, ограниченное понимание коррупции, которое охватывает только действия, связанные с взяточничеством и аналогичными неправомерными выгодами, совпадает, по сути, с преступлениями, основанными на злоупотреблении служебным статусом в целях личной выгоды.

Следующий важный момент касается проблем в законодательном определении коррупции, которое страдает от недостаточной точности формулировок и технических ошибок, препятствующих эффективному применению антикоррупционного законодательства. Кроме того, имеется несоответствие между законодательно установленными признаками коррупционных преступлений и общим определением коррупции, а также с перечнем преступлений, определенным в указе Генеральной прокуратуры № 401/11/2, указывающее на системные недостатки в законодательстве, направленном на борьбу с коррупцией.

Следовательно, принятие предложенных определений коррупции и иных преступлений коррупционного характера, исходя из их юридической природы, может существенно способствовать улучшению законотворческой и правоприменительной деятельности в области противодействия коррупции.

Глава 2 Уголовно-правовые основы противодействия преступлениям, связанные с дачей и получением взятки и иными коррупционными преступлениями

2.1 Предмет преступлений, связанных с дачей взятки и иными коррупционными преступлениями

Определение предмета преступлений в контексте взяточничества не является простой задачей, она требует глубокого анализа, ведь как показывает практика, предмет преступлений может варьироваться в зависимости от конкретной ситуации. В сущности, предметом взяточничества выступает, по своей природе, имущественное благо (либо услуги), которое передают или получают с целью влияния на действия должностного лица [30].

Следует отметить, что в рамках уголовного законодательства различают как материальные, так и нематериальные блага. Например, деньги, автомобили, квартиры, — это, конечно, материальные блага, но существуют и менее осязаемые вещи, такие как услуги, различные привилегии, обещания, которые также могут стать предметом взяточничества [52].

Кроме того, в современных условиях, когда внедряются новые технологии и способы обмена информацией, предмет преступления начинает включать в себя и электронные деньги, и виртуальные активы. Взятка может «перемещаться» через электронные платформы, что делает преступление ещё более сложным для квалификации и расследования. Также важно учитывать, что предмет преступления включает не только саму взятку, но и разнообразные действия, которые могут считаться взяткой, например, незаконное лоббирование интересов, получение незаконных привилегий, что дополняет картину и ясно указывает на многогранность ситуации.

Определить предмет преступлений, связанных с дачей и получением взяток, можно как сочетание различных материальных и нематериальных благ, намерений и действий все вместе создают криминальную рамку, в

которой осуществляется данное преступление. Иметь четкое представление об этой системе – важная задача, так как от этого зависит правильная квалификация преступления, применение соответствующих норм уголовного права и, в конечном итоге, уровень возможностей для противодействия взяточничеству в нашем обществе.

Категории лиц, участвующих в преступлениях, связанных с дачей и получением взятки, представляют собой многообразную картину. Согласно уголовному законодательству, участников данных преступлений можно классифицировать на две основные группы – дающие и получающие взятки. Однако, на самом деле, это деление не всегда столь четкое и однозначное, как кажется на первый взгляд [53].

С одной стороны, дающие взятки – это, как правило, физические или юридические лица, стремящиеся получить какие-либо преимущества или выгоды посредством подкупа.

К ним могут относиться бизнесмены, заинтересованные в решении своих вопросов с органами власти, а также отдельные граждане, которые надеются обойти бюрократические препятствия или получить более выгодные условия для себя. Интересно, что среди дающих взятки можно встретить не только тех, кто хочет обойти закон, но и тех, кто, возможно, считает, что это единственный способ решить свои насущные проблемы.

То есть, в их действиях можно усмотреть не только корысть, но и элементы отчаяния. С другой стороны, получающие взятки – это лица, принимающие незаконные вознаграждения за оказание определенных услуг или выполнение действий, связанных с их профессиональной деятельностью. Обычно это должностные лица, такие как сотрудники государственных органов, работники правоохранительных структур, чиновники различного уровня.

Их мотивация тоже может быть разной: «от желания получить дополнительный доход до стремления сохранить свои позиции и влияние» [57]. И тут становится важным отметить, что как дающий, так и получающий может быть вовлечен в коррупцию по самым различным причинам –

социальным, экономическим и даже культурным.

В современном обществе все чаще можно встретить истории о том, как передача взятки происходит в форме не только денег, но и других ценностей: подарков, автомобилей, услуг, что также усложняет квалификацию таких деяний. «Это открывает новые горизонты для обсуждения и анализа: как же все-таки трактовать закон, когда каждая передача может выглядеть иначе» [58]. Лица, задействованные в подобных ситуациях, часто оказываются в сложных обстоятельствах – и уголовная ответственность, включает в себя не только действия, скажем, должностного лица, но и меняет положение того, кто предоставляет взятку.

Необходимо более глубокое понимание преступления, чтобы помочь выработать эффективные меры по противодействию коррупционным проявлениям, а также действовать по принципу «лучше предотвратить, чем лечить» [64]. Сложности, возникающие в этой области, требуют от правозащитных органов инновационных решений и подходов, не позволяя уклоняться от ответственности.

Уровень ответственности и степень вины субъектов преступления – это ключевые аспекты, определяющие не только юридическую природу вмешательства в случаи взяточничества, но и морально-этические грани этого явления. Так, субъекты преступления – это не просто статичные фигуры; они представляют собой динамичные элементы, взаимосвязанные с обстоятельствами, социальным контекстом и правовой системой. Предположим, коррупция, как правило, влечет за собой множество факторов, влияющих на уровень ответственности. Например, дающий взятку часто находится в уязвимом положении; от него может зависеть получение каких-либо благ, карьерный рост или же просто удовлетворение насущных потребностей, в то время как получающий может использовать злоупотребление служебным положением.

Значение предмета в квалификации коррупционных преступлений является краеугольным камнем в понимании всей структуры данного рода правонарушений. Как мы знаем, предметом преступления, связанного с дачей

или получением взятки, выступает материальная или нематериальная выгода, предоставляемая с целью неправомерного влияния на действия должностного лица или иного лица, осуществляющего власть. Это определение, на первый взгляд, может показаться простым, однако именно в его детализации заключаются все нюансы, влияющие на классификацию коррупционных деяний.

Прежде всего, важно установить, что под предметом взятки могут пониматься не только денежные средства, но и различные формы вознаграждения – от материальных благ до уникальных услуг, предоставляемых во избежание правовых последствий или достижения определенных целей. Таким образом, степень сложности и разборчивости в отношении предмета преступления становится очевидной: взятка может принимать различные формы, и каждая из этих форм требует отдельного подхода к квалификации. Второй аспект, который следует учитывать, касается того, как обозначение предмета влияет на степень ответственности за преступление [65]. Например, в случаях, когда объектом взятки служат небольшие суммы или незначительные расходы, квалификация может варьироваться. Но как только речь заходит о крупных взятках – тогда и ответственность значительно возрастает. Все это делает критерий определения предмета преступления основополагающим для правоприменительной практики. Кроме того, важно осознать, что значение предмета не сводится лишь к количественным характеристикам. Оно также включает в себя и качественные аспекты – например, характер вознаграждения и цель, с которой оно предлагается.

И наконец, как же можно обойтись без учета социальных и экономических факторов, которые, будучи взаимодействующими с предметом преступления, становятся своеобразной основой для формирования правоприменительной практики в этой сфере.

Динамика, с которой развивается общество и корректируется законодательство, требует постоянного пересмотра и адаптации знаний о предмете взятки, что, в свою очередь, способствует улучшению

правоприменительной практики и защиты гражданских прав. Таким образом, значение предмета в квалификации коррупционных преступлений нельзя недооценивать. Это ключевой фактор, позволяющий не только правильно давать правовую оценку действиям субъектов, но и формировать полное понимание механизмов, по которым осуществляется коррупция. Факторы, связанные с предметом, создают пространство для дискуссии о том, как необходимо модернизировать наше законодательство и методы борьбы с этой коварной формой преступления, что, безусловно, является одной из главных задач современности.

2.2 Объективные и субъективные признаки преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами коррупционных преступлений

Действия, образующие объективную сторону преступления, представляют собой комплекс действий или бездействий, связанных с коррупционными деяниями, такими как дача взятки или получение таковой. Эти действия – это не просто отдельные поступки, а формирующаяся из них система, которая выделяет коррупцию на фоне остальных правонарушений. Прежде всего, речь идет о прямом предоставлении денежных средств или иного имущества взяткодателю – результат такого действия карается прямо по закону. Например, если лицо, обладающее определенной властью или полномочиями, принимает решение в интересах того, кто сует ему конверт с деньгами или предлагает какие-то блага, это действие уже может расцениваться как состав преступления [69]. Важно понимать, что объективная сторона включает в себя не только сам факт передачи средства, но и контекст – то есть намерение и целевое назначение этих действий. Исходя из этого, стоило бы выделить и ситуации, когда взятка может быть «скрытой» или «косвенной» [49].

Анализ методов, использующихся для установления факта дачи и

получения взятки, показывает, что следственные органы применяют широкий спектр приемов: от допросов участников до использования скрытой слежки и специальных исследований. Важно фиксировать каждую мелочь: где происходила передача, в какое время, каковы были обстановка и лица, участвующие в сделке. Все эти детали помогают сформировать четкую картину происходящего. Особое внимание стоит уделить документированию фактов, ведь преступление может быть совершено даже дистанционно, через третьих лиц, что добавляет сложности в процесс расследования. Четкое понимание признаков дачи и получения взятки позволяет избежать юридических пробелов и манипуляций со стороны обвиняемых, которые, порой, используют всевозможные уловки для сокрытия истинной природы своих действий. Следовательно, установление факта дачи и получения взятки не ограничивается просто поиском прямых доказательств, это целый процесс, который требует внимательного и всестороннего подхода, анализа и сопоставления всех доступных данных. Чем больше данных соберет следствие, тем выше вероятность правомерного и справедливого разрешения дела, что подтверждает жизненную значимость таких расследований в контексте борьбы с коррупцией [88].

Способы совершения преступлений, связанных с дачей и получением взятки, представляют собой сложный и многообразный механизм, где злокачественные намерения коррелируют с характером сделки. В зависимости от условий, контекста и субъекта злоупотребления можно выделить различные формы вознаграждений, как прямых, так и косвенных. Прямое вознаграждение — это классический пример, когда взятка передается должностному лицу от взяткодателя буквально в руки, зачастую в виде наличных денежных средств [50]. Такой подход, вроде бы, прост и понятен, но именно это наибольшей степени подвергается внимательной оценке со стороны правоохранительных органов, так как явная передача денег может быть легко квалифицирована и зафиксирована. Кроме того, это наиболее уязвимый момент для злоумышленников: ведь в подобных случаях сотрудники правоохранительных органов могут установить очевидные

доказательства, такие как свидетели, аудио- или видеозаписи. Однако не всегда преступные действия принимают столь простую форму. Взяткодатели, понимая риски, часто прибегают ко многим хитрым ухищрениям. Косвенное вознаграждение, к примеру, может принимать форму подарков, займа, оплаты неких «услуг» или даже, что не так уж и редко, приглашения на различные события с президентами, высокопрофильными бизнесменами, на которых, разумеется, всегда будет доступ к необходимым готовым ресурсам. В таких сценариях взятокдатели стараются маскировать свои намерения, используя сложные схемы, а также подменяя истинные мотивы. Эти действия иногда кажутся безобидными на первый взгляд, но фактически служат для манипуляции и создания условий, благоприятных для коррупционных сделок. К тому же, стоит отметить, что некоторые коррупционные схемы могут включать в себя третьи стороны, что делает их еще более запутанными. Например, если взятка передается через посредника, происходит так называемая цепочка: взятокдатель дает деньги посреднику, а тот фактически передает их должностному лицу.

Воздействие на действия должностного лица или государственного служащего – это ключевой аспект, определяющий объективную сторону преступлений, связанных с дачей и получением взятки. В данном контексте можно выделить несколько важных моментов, которые уточняют суть этого воздействия и его последствия. Во-первых, важно осознать, что взятка, как форма незаконного вознаграждения, представляет собой тот механизм, который выстраивает не только организационные, но и личные связи между взятокдателем и взятополучателем. Здесь имеется в виду ситуация, когда чиновник подвержен влиянию предложенной выгоды, что меняет его поведение и, следовательно, результат его должностной деятельности. Во-вторых, такое воздействие может проявляться в самых разных формах. Прямой подкуп — это лишь один из примеров. Иногда такие действия могут иметь косвенный характер: например, через предоставление подарков, услуги, протекции, либо через обещание выгод в будущем. Не следует забывать, что влияние может оказываться не только на уровне сознательных действий, но и

на эмоциональном уровне. Тем самым, взятка является неким инструментом, который показывает, насколько изменчивым может быть решение должностного лица под воздействием внешних факторов. Психология данного процесса также стоит на переднем плане. Государственный служащий, обладая определенной властью, может столкнуться с моральным выбором: поддержать законные интересы общества или поддаться нажиму.

Мотивы участия субъектов в коррупционных преступлениях могут быть разнообразными и многогранными. Одним из наиболее распространенных побуждений является финансовая выгода. Это – главный двигатель, который толкает людей на путь преступления. Оценка психического состояния сторон в момент совершения преступления – это ключевой аспект для понимания природы коррупционных деяний. Ведь именно психическое состояние, фильтрующее все возможные мысли, желания и наклонности, сообщает о том, какой смысл реально вкладывают участники данной ситуации в свои действия. Лишь проанализировав этот момент, можно глубже понять мотивы и умыслы, побуждающие граждан к даче или получению взятки. Необходимо различать различные состояния, в которых могут находиться обе стороны – как дающая, так и принимающая взятку. Одной из основополагающих идей является исследование умысла. Если одной стороне был свойственен умысел, то вторая могла действовать под влиянием неосторожности или даже обстоятельств, толкающих на коррупционное поведение.

Роль намерений сторон в процессе квалификации преступления – это многогранный аспект, который требует особого внимания. Во-первых, необходимо отметить, что намерения – это не просто «хотелки» – они представляют собой внутренние установки, которые формируют вектор действий каждого участника. Намерение может быть как преступным, так и добросовестным, но в контексте коррупционных преступлений речь идет о преднамеренных действиях с точки зрения обоих участников сделки. Когда, скажем, дающий взятку осознанно предлагает деньги, уже предполагая, что совершает преступление, его намерение становится ключевым элементом, подтверждающим факт составления преступления. Кроме того, любая

попытка квалификации преступления без учета истинных намерений сторон, на мой взгляд, будет неполной, непроверенной. Например, если взяточдатель стремится не только получить выгоду, но и использует коррупционную схему, чтобы уклониться от ответственности за свои действия, это говорит о гораздо более сложной сети замыслов, чем просто передача денег. С другой стороны, получающий взятку также должен быть осведомлен о неправомерности своей роли в связи с этим. Если его намерения были откровенно заблудшими, это может повлиять на квалификацию. Интересным становится и вопрос о том, как приоритеты намерений соотносятся с уголовным правом.

Ведь в процессе судебного разбирательства судья, изучая материалы дела, должен будет не просто рассматривать факты – он обязан понять, что двигало сторонами, какие цели они преследовали. Этот анализ требует глубокого понимания контекста, искушений и мотиваций, существующих в различных социальных слоях. Например, в ситуациях, когда коррупционные практики воспринимаются как социальная норма, сами намерения могут быть в значительной степени искажены [81].

Моральный аспект также нельзя игнорировать. Понятно, что простое намерение получить выгоду не всегда может служить основанием для уголовной квалификации. Например, если сторона была введена в заблуждение – ее намерение может быть по сути «заранее честным», попытка сохранить свои ценности должна быть принята во внимание. Способы манипуляции, уговаривания, давления либо даже шантажа – все это может заставить подумать о том, кто на самом деле является жертвой в этой ситуации.

В итоге, роль намерений сторон в процессе квалификации преступления – это непростое, многоуровневое понятие, которое требует всестороннего подхода. И чтобы достичь справедливости, обе стороны должны быть внимательно проанализированы, их мотивация и намерения учтены. Квалификация не должна быть простым механическим процессом, а должна учитывать человеческий фактор: как в контексте личных обстоятельств, так и в рамках социального взаимодействия.

Глава 3 Проблемы и перспективы развития системы уголовно-правового противодействия взяточничеству и коррупционным преступлениям

3.1 Проблемы отграничения провокации взятки от смежных составов преступления

Попытка внушения или подстрекательства к передаче взятки официальным лицам, включая тех, кто занимается управленческими функциями в частных и публичных организациях, а также указанным в первой части статьи 200.5 Уголовного кодекса Российской Федерации, без их предварительного согласия на получение денежных средств, ценных бумаг, другого имущества, предоставления услуг имущественного характера или передачи имущественных прав, направляется на незаконное формирование улик преступления или для целей шантажа [19].

Эти действия, несмотря на их значимость в научных исследованиях, до настоящего времени не нашли своего четкого правового определения в рамках судебной практики России, что вызывает сложности в оценке как деяний инициатора такого поступка, так и действий лица, которое стало его объектом.

Задачей провокатора является сбор информации для ее последующего использования в качестве доказательств в уголовном процессе, однако этот аспект не раскрывает полностью мотивы провокатора, включающие в себя также цель формирования искусственных улик [60]. Субъект, ставший целью провокации, часто не осознает подлинные мотивы действий провокатора, вступая в сделку на незаконных условиях.

Дополнительно, проведенные исследования не достигли успеха в точном разграничении между провокацией взятки и фактическим ее получением или предложением, а также в выявлении различий с другими сходными правонарушениями. В юридической теории преобладает мнение, что действия, связанные с провокацией взятки, часто включают в себя

элементы, характерные для подстрекательства, осуществляемого представителями правоохранительных органов в рамках оперативно-розыскной деятельности.

Понкратов В.П. поднимается вопрос о проблематичности включения в законодательство положений, касающихся провокации взяток [62]. Автор выражает сомнение относительно эффективности фразы «без его согласия» в контексте обвинений в коррупции и считает, что такие действия, как создание искусственных доказательств, должны трактоваться как злоупотребление процессом, а не как провокация к коррупции. Данная позиция вызывает дискуссии среди специалистов в области права.

С другой стороны, факт получения взятки не должен зависеть от наличия провокации, поскольку ответственность за совершение таких деяний уже предусмотрена законодательством, в частности статьей 290 Уголовного кодекса Российской Федерации, что подчеркивает необходимость борьбы с коррупционными проявлениями в любых их формах.

Тем временем, Т.В. Пинкевич обращает внимание на сложность квалификации действий провокатора в рамках существующих статей Уголовного кодекса, указывая на неоправданность автоматического отнесения их к действиям должностных лиц, что поднимает вопросы о границах ответственности и субъектах провокации [58].

Е. В. Фомина в своем исследовании «акцентирует внимание на целенаправленности провокации в процессе формирования доказательственной базы по делам о коррупции» [84]. Подходы к деятельности провокатора, по мнению Фоменко, должны учитывать его активное влияние на принятие решений должностным лицом к совершению коррупционных преступлений.

С другой стороны, передача взятки как основание для квалификации действий должностного лица к получению взятки соответствует теоретическим основам уголовного права и подчеркивает важность рассмотрения криминогенных коррупционных ориентиров [79].

Наконец, дискуссии среди ученых о полной или частичной передаче

взятки при провокации редко достигают консенсуса. Однако, позиция Верховного Суда Российской Федерации ясно указывает на то, что преступление считается совершенным с момента передачи имущества или начала оказания услуг, что подчеркивает серьезность и окончательность таких действий в рамках уголовного права [61].

Значительная угроза общественной безопасности, связанная с категорией рассматриваемых преступлений. Эти преступления вмешиваются в стабильную работу государственных органов, тем самым подрывая их авторитет и вызывая усиление недовольства среди населения.

Важность данного исследования также подчеркивается необходимостью анализа различий в статьях 290, 291 и 304 Уголовного кодекса Российской Федерации. В условиях быстро меняющегося общества и активной антикоррупционной политики, правоохранительные органы сталкиваются с трудностями в применении этих статей для предотвращения преступлений, в том числе в рамках оперативных экспериментов. Обвинения, предъявленные сотрудникам Главного управления экономической безопасности и борьбы с коррупцией МВД России, подчеркивают сложность разграничения между провокацией преступления и законной оперативной деятельностью. В этом контексте замечания бывшего руководителя указанного управления о невозможности отличить провокацию от легитимных оперативных действий заслуживают внимания.

Анализ правоприменительной практики до 2016 года показывает, что сотрудники правоохранительных органов часто привлекались к ответственности за провокацию взяток и превышение полномочий. В свете активизации антикоррупционных мер, актуальность устранения не только самого факта взяточничества, но и его провокации, становится очевидной. Практика показывает, что действия, связанные с провокацией, могут квалифицироваться по различным статьям Уголовного кодекса, не исключая возможность провокации.

Различие между статьями 290, 291 и 304 УК РФ обусловлено характеристиками состава преступления, что делает сравнительный анализ

этих статей особенно важным. В этом контексте, особое внимание следует уделить аспектам, которые помогут в дальнейшем разграничении рассматриваемых преступлений.

Проведения оперативных экспериментов, стоит подчеркнуть, что даже действия, переходящие границы закона, не всегда могут быть классифицированы как провоцирование к совершению коррупционных преступлений. Это утверждение подкрепляется ссылкой на страницу 76 в источнике [17]. С другой стороны, анализируя практику применения законодательства до 2016 года, можно заметить, что работники правоохранительных структур не редко сталкивались с обвинениями в провоцировании взяточничества и злоупотреблении служебными полномочиями.

С учетом активизации мер по борьбе с коррупцией, нарастает значимость не только выявления и пресечения фактов коррупции, но и предотвращения попыток ее провоцирования. Изучение судебной практики показывает, что действия, связанные с коррупцией, чаще всего рассматриваются в рамках других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, таких как статьи 285, 286, 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и далее, не исключая при этом возможности провокационных действий.

Следует различать преступления, предусмотренные статьями 290, 291 и 304 Уголовного кодекса РФ, поскольку они имеют различные признаки. Важность при анализе данных составов преступлений уделяется таким аспектам, как цели и мотивы действий.

Основное различие между рассматриваемыми видами преступлений заключается в объекте посягательства и цели преступления. О.А. Мансуров выделяет критерии, помогающие определить цель провокации взятки, включая искусственность условий передачи и последующее раскрытие преступления, что позволяет отделить ее от других коррупционных преступлений, упомянутых в статьях 290, 291, 204 и других УК РФ.

Анализируя различные преступления, важно правильно определить

приоритеты. Основное отличие между преступлениями по статьям 290, 291 и 304 УК РФ кроется в объекте посягательства. Общественные отношения, обеспечивающие функционирование государственной власти, выступают в качестве родового объекта для статей 290 и 291 УК РФ, тогда как для статьи 304 УК РФ характерно воздействие на общественные отношения в сфере предварительного расследования и сбора доказательств по уголовным делам [80].

В научных дискуссиях выделяются разнообразные точки зрения касательно ключевых аспектов, провоцирующих действия, связанные с взяточничеством. Статья 304 Уголовного кодекса Российской Федерации служит защите общественных интересов, обеспечивая справедливость путем предотвращения несправедливого осуждения невиновных лиц [82]. Основная цель упомянутой статьи заключается в поддержании законной деятельности правоохранительных органов, считая защиту прав невиновных лиц второстепенной задачей [83].

Далее, анализируя объективную сторону преступлений, предусмотренных статьями 290 и 304 УК РФ, можно заметить значительные различия, особенно в их сущности. Статья 304 характеризуется действиями, направленными на передачу взятки без согласия получателя. Этот момент вызывает вопросы, поскольку даже в случае неполучения согласия на взятку, коррупционные намерения должностного лица остаются очевидными.

Определение «попытки» охватывает действия, целью которых является достижение определенного итога, независимо от успешности этих действий. В контексте взяточничества, попытка может включать в себя незавершенные действия, такие как частичная передача взятки. Примером может служить случай, когда водитель транспортного средства, стремясь спровоцировать взятку, запечатлел на видео, как сотрудники ГИБДД отказываются от взятки. Это действие, направленное на создание условий для доказательства своей невиновности, является ярким примером попытки провокации взятки.

В итоге, отказ сотрудников ГИБДД принять взятку и последующие действия водителя были оценены как попытка дать взятку с целью шантажа,

что подпадает под действие статьи 304 УК РФ. Отмечается, что такие действия подтверждают отсутствие намерений со стороны сотрудников ГИБДД получить взятку, что позволяет квалифицировать действия водителя как покушение на дачу взятки.

В анализе преступных действий выделяются различия, связанные с характеристиками лиц, совершающих преступления. В соответствии с 290-й статьей Уголовного кодекса Российской Федерации, зафиксировано, что только определенная категория лиц - должностные лица (в соответствии с примечанием к 285-й статье УК РФ) - могут быть исполнителями данных преступлений. В то же время, преступления, упомянутые в 291-й статье УК РФ, могут быть совершены любым физическим лицом, которое является вменяемым и достигшим 16 лет. Статья 304 УК РФ расширяет круг субъектов до включения как тех, кто предлагает взятку, так и тех, кто ее принимает.

Относительно намерений лиц, совершающих преступления, делается различие на основе целей, которые они преследуют [24]. В случае провоцирования взятки целью является не получение материальной выгоды, а создание обстоятельств для незаконного использования собранных доказательств с целью привлечения к ответственности, включая возможный шантаж.

Существенно различаются преступления, описанные в статьях 304 и 290, а также п. 5 статьи 204 УК РФ, поскольку они исключают друг друга. Это означает, что наличие признаков одного преступления исключает возможность квалификации действий по другой статье. Подтверждение этому найдено в пояснениях, изложенных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевым аспектом в определении состава преступления является наличие или отсутствие согласия на получение взятки. Если лицо, получающее взятку, осознает, за что ему передают ценности и согласно принимает их с намерением выполнить определенные действия в ответ, такие действия могут быть квалифицированы как преступление [13]. В противном случае, если инициатива передачи взятки не встречает согласия, это может

рассматриваться как попытка инсценировать преступление со стороны должностного лица, что подчеркивает сложность правовой оценки подобных действий.

В процессе уголовно-правовой оценки определённых действий часто возникают трудности, связанные с установлением факта дачи или получения согласия на совершение этих действий. В результате, особенно при рассмотрении дел, связанных со статьями 290 и п. 5 статьи 204 Уголовного кодекса РФ, защита зачастую стремится доказать, что обвиняемый не принимал взятку, а ему её навязали. При этом он не выражал согласия на её получение и, следовательно, является жертвой.

В частности, 20 сентября 2019 года Свердловским областным судом Свердловской области был вынесен приговор в отношении сотрудника ГИБДД, гражданина Х., по делу № 1-167/2019. Согласно приговору, гражданин Х., занимая должность в ГИБДД, предложил представителю компании, задействованной в обрезке деревьев, игнорировать факт блокирования проезжей части без установки предупредительных знаков в обмен на денежное вознаграждение в размере 30000 рублей, угрожая в противном случае штрафом в 200000 рублей в соответствии с КоАП РФ [84]. Представитель компании согласился и выполнил требование. В ходе судебного разбирательства обвиняемый отрицал факт получения взятки, утверждая, что в момент её передачи его не было на месте, и он не давал согласия на её получение. Предполагая, что деньги были ему подложены с целью скомпрометировать его. Гражданин Х. также указал на отсутствие расследования по версии провокации взятки со стороны следствия, несмотря на наличие признаков преступления, предусмотренного статьёй 304 УК РФ, и просил суд не признавать его виновным в получении взятки из-за его отсутствия [84].

«Апелляционным определением Пятого апелляционного суда общей юрисдикции гр. З. признан виновным в том, что, занимая должность начальника отдела по борьбе с незаконным оборотом синтетических наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, новых

психоактивных веществ, являясь должностным лицом, получил взятку в виде иного имущества – цифровой валюты в размере 0,01 биткоина и 0,08 биткоина на общую сумму 52000 руб., т. е. в значительном размере, за совершение в 285 пользу взяткодателя незаконных действий – разглашение сведений, составляющих государственную тайну» [14].

Цифровая валюта и цифровые финансовые активы является отдельными составными элементами. Они не смешиваются и не заменяют один другого. Цифровые финансовые активы представляют собой элементы цифровых прав, которые, в свою очередь, классифицируются как форма имущественных прав [56]. Эти активы определяются законом как определенные типы цифровых прав, информация о которых фиксируется в информационных системах. В отношении этих активов всегда есть сторона, несущая имущественные обязательства перед их держателями.

Цифровая валюта, отличаясь по своей сущности, представляет собой набор электронных данных, закодированных или представленных в виде символов, и хранящихся в информационной системе [76]. Важно отметить, что по отношению к цифровой валюте не существует стороны, обязанной имущественно перед ее держателями.

В рамках Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), цифровая валюта и цифровые права входят в определение «имущество» [19]. Это понятие описывается как единый, но при этом многоуровневый объект гражданско-правовых отношений, включающий в себя вещи, различные формы имущества, а также имущественные права (согласно статье 128 ГК РФ).

Важно обратить внимание на законодательную инициативу, касающуюся внедрения цифрового рубля в качестве третьего типа национальной валюты, дополняющего существующие наличные и безналичные средства. Цифровой рубль как отдельный вид безналичных средств. Отличительной чертой цифрового рубля является его эмиссия Центральным банком России, что классифицирует его как фиатную валюту с наличием ответственной стороны перед владельцами. В то время как цифровые валюты и цифровой рубль оба принадлежат к категории цифровых

активов, между ними существуют фундаментальные различия. Эти различия оказывают существенное влияние на применение цифрового рубля в контексте уголовного законодательства, особенно в части регулирования коррупционных преступлений, связанных с незаконным получением вознаграждений, где цифровой рубль рассматривается в качестве объекта взятки.

Существует проблематика, связанная с определением статуса цифровых активов. Только те, которые находятся в легальном обороте, могут подпадать под определение цифровой валюты, цифровых прав и цифрового рубля, исключая из правового поля те, что обращаются вне установленных законодательством рамок. Это создает препятствие для юридического признания данных объектов в соответствующем статусе.

Факт нелегальности объекта, используемого в качестве взятки, не исключает возможности его принятия должностным лицом с целью получения материальной выгоды. Примером может служить ситуация, когда взятка или другое преступное деяние, связанное с коррупцией, включает в себя передачу наркотических средств. В таких случаях преступник, принимающий наркотики, избегает расходов на их приобретение или производство. Этот вариант может представляться для него более предпочтительным, так как уменьшает риски, связанные с необходимостью взаимодействия с дилерами наркотиков, а также с хранением и транспортировкой запрещенных веществ.

Следует отметить, что провокация взятки, хотя и считается преступлением, аналогичным взяточничеству, не тождественна ему. В связи с этим, к таким действиям не могут быть применены положения, касающиеся оконченных преступлений, оговорённых в статьях 290 и 291 Уголовного кодекса Российской Федерации [87].

Исходя из анализа проведенного исследования, мы пришли к комплексным выводам, которые позволяют глубже понять специфику юридических норм, регулирующих вопросы взяточничества в рамках российского законодательства.

В частности, было установлено, что разграничение между деяниями,

регламентируемыми статьями 290 и 304 Уголовного кодекса Российской Федерации, опирается на дифференциацию в интерпретации элементов состава преступления, не отражающих сущностные характеристики как объективной, так и субъективной стороны преступления по получению взятки.

Преступления, предусмотренного статьей 304 УК РФ, акт попытки передать взятку без согласования с должностным лицом трактуется как провокация [84]. Правоприменительная практика демонстрирует, что если лицо, намереваясь дать взятку (согласно статье 291 УК РФ), сталкивается с отказом и затем пытается вынудить к получению взятки через шантаж, такие действия квалифицируются как провокация взятки по статье 304 УК РФ. В таких случаях возникают сложности с классификацией действий в соответствии с частью 3 статьи 30, статьями 291 и 304 УК РФ, но судебная практика склоняется к применению квалификации по части 3 статьи 30 и статье 291 УК РФ.

Также стоит подчеркнуть, что в процессе провокации лицо, осуществляющее передачу предмета взятки, действует без ведома и согласия должностного лица, что требует от последнего особых действий, поскольку провокатор стремится собрать доказательства для их последующего использования, в том числе с применением шантажа.

Когда речь идет о совершении преступлений, предусмотренных статьей 304 УК РФ, цель провокатора заключается в создании условий для совершения преступления или шантажа [7]. Важно отметить, что должностные лица, обвиняемые в совершении преступлений по статье 290 УК РФ, зачастую пытаются оправдать свои действия во время предварительного следствия или суда, указывая на отсутствие согласия на получение взятки, что в их понимании должно привести к переквалификации действий в рамках статьи 304 УК РФ. Однако мы считаем, что в таких случаях следует в первую очередь обращать внимание на внутренние мотивы должностного лица, стремящегося к незаконному обогащению.

Наконец, если провокационные действия осуществляются физическим лицом, достигшим возраста уголовной ответственности, в отношении

должностного лица, такие действия должны квалифицироваться как покушение на дачу взятки (согласно части 3 статьи 30 и статье 291 УК РФ), если должностное лицо отказывается от совершения незаконных действий. В случае согласия на получение взятки действия должны квалифицироваться в соответствии со статьями 290 и 291 УК РФ как завершенное преступление. В ситуациях, когда действия провокатора находятся в поле зрения оперативных сотрудников и соответствуют требованиям оперативно-розыскного законодательства, действия должностного лица, получившего взятку, следует классифицировать в рамках статьи 290 УК РФ [10].

В случае, когда действия сотрудников, занимающегося выполнением оперативно-розыскных задач, в рамках проведения так называемого оперативного эксперимента противоречат законодательству, предусмотренным для регулирования оперативно-розыскной деятельности, их поведение следует оценивать как выход за пределы предоставленных им полномочий, что подпадает под действие статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также как инициирование ситуации, провоцирующей на взяточничество, что регламентируется статьей 304 Уголовного кодекса Российской Федерации [1]. В данной ситуации, индивидуум, выполняющий роль провокатора, освобождается от ответственности.

В свете изложенного автор предлагает изложить статью 304 Уголовного кодекса Российской Федерации в следующей редакции:

«Деяния, цель которых заключается в том, чтобы передать денежные средства, другое имущество, предоставить услуги имущественного характера или передать имущественные права должностному лицу, лицу, занимающему аналогичное положение в иностранных или международных организациях, а также лицам, осуществляющим управленческие функции или других типах организаций, включая тех, кто упомянут в первой части статьи 205 Уголовного кодекса РФ с целью создания недостоверных доказательств, которые могут быть использованы в интересах следственных органов при рассмотрении

уголовных дел, если такие действия совершены с нарушением норм федерального законодательства, включая случаи, когда это сопровождается шантажом».

3.2 Проблемы назначения наказания за преступления, связанные со взяточничеством и иным коррупционным преступлениям

В сфере правоприменения процесс индивидуализации уголовной ответственности за коррупционные преступления, включая взяточничество и получение неправомерного вознаграждения, представляет собой этап, на котором осуществляется подбор меры наказания с учетом конкретных обстоятельств дела. Этот процесс является продолжением реализации принципов дифференциации ответственности, закрепленных в законодательстве. Он направлен на обеспечение соответствия между установленными законом санкциями и фактическими деталями совершенного преступления.

Изучение научной и практической литературы по вопросу назначения наказаний за коррупционные деяния выявляет различные мнения. Некоторые исследователи критикуют судебную либеральность и призывают к ужесточению уголовных санкций. Скепсис по поводу чрезмерной репрессивности в борьбе с коррупцией. Они предпочитают более сбалансированный подход.

Существует также мнение о том, что репрессивные меры должны рассматриваться как крайняя мера в стратегии противодействия коррупции. Важность комплексного подхода к борьбе с этим явлением, который включает в себя как уголовное преследование, так и другие методы.

Важность перехода к более определенным санкциям, что, по его мнению, способствует снижению дискреционных полномочий судей. Такой подход может привести к ограничению дифференциации ответственности и сужению пространства для судебного усмотрения.

На наш взгляд, следует поддержать инициативы, направленные на исключение из уголовного законодательства минимальных пределов наказаний за ряд тяжких преступлений, включая коррупционные. Это позволит обеспечить более гибкое применение уголовной ответственности, адекватное реальной степени общественной опасности поступка.

В рамках исследовательской работы, посвященной анализу уголовных санкций за преступления, связанные с коррупцией, особое внимание уделяется изучению мер наказаний за деяния, включающие незаконное получение или предложение вознаграждений. Важно отметить, что изучение санкций не распространяется на преступления, где незаконное вознаграждение выступает лишь как метод совершения более серьезного преступления, так как в этих случаях фокус уголовно-правовой защиты смещается на другие аспекты, не связанные с коррупцией.

В контексте анализа заслуживает внимания ужесточение наказаний, предусмотренных частями 2 и 4 статьи 184 Уголовного кодекса Российской Федерации, которые касаются наказаний за незаконное влияние на исходы официальных спортивных соревнований и коммерческих состязаний. Изменения, внесенные Федеральным законом от 23 июля 2013 года № 198-ФЗ, установили максимальный срок лишения свободы до семи лет, в то время как ранее за подобные деяния предусматривалось до пяти и до двух лет соответственно.

Кроме того, в 2018 году была введена статья 200.5 Уголовного кодекса РФ, определяющая ответственность за подкуп лиц, занимающихся контрактной деятельностью. Отличительной чертой санкций по этой статье является отсутствие минимального срока лишения свободы, с максимальными сроками до семи, восьми и десяти лет за различные степени тяжести преступления.

Интересно отметить изменения, произошедшие с санкциями за коммерческий подкуп, в частности с п. 3 статьи 204 УК РФ. После изменений, внесенных Федеральным законом № 280-ФЗ в 2008 году, была убрана нижняя граница срока лишения свободы, установив его до семи лет. Однако в

2016 году, с вступлением в силу Федерального закона № 324-ФЗ, были вновь введены конкретные рамки срока наказания от трех до семи лет.

В контексте обсуждения судебных практик и регулирования уголовных санкций, анализируемый случай из Фокинского районного суда города Брянска становится заметным. В данном случае гражданин Б. был осужден по обвинению в предоставлении взятки должностному лицу для выполнения неправомерных действий согласно части 3 статьи 291 Уголовного кодекса Российской Федерации, что повлекло за собой взимание штрафа в размере 150 тысяч рублей. Интересно, что анализ судебных решений показывает не единообразие в размерах наложенных штрафов за аналогичные преступления, что указывает на отсутствие строгой регламентации в этом аспекте.

Дальнейшее рассмотрение уголовного законодательства и его практического применения выявляет определенную положительную динамику, отражающую реакцию законодательных органов на критику со стороны научного сообщества относительно чрезмерно широкого диапазона наказаний. В частности, были скорректированы некоторые статьи УК РФ, определяющие границы наказаний за коррупционные преступления, введя минимальные и максимальные пределы для таких санкций.

Однако, несмотря на эти изменения, существуют статьи в уголовном законодательстве, предусматривающие широкий спектр наказаний, что приводит к неоднородности судебной практики и, как следствие, к нарушению принципа справедливости в уголовном праве. Этот факт может способствовать коррупционным проявлениям в правоприменительной деятельности, поскольку закон предоставляет суду широкий простор для усмотрения в назначении наказания.

Критически важно учитывать, что расширение возможностей для коррупционных действий в сфере правоприменения, в том числе через предоставление права на условное осуждение, требует пересмотра и ужесточения законодательных мер в отношении коррупционных преступлений, связанных с взяточничеством и другими формами незаконного вознаграждения. Это подчеркивает необходимость более строгого подхода к

определению размеров и сроков наказаний, ограничивая их диапазон для обеспечения единообразия и справедливости в судебной практике.

В уголовной политики, направленной на борьбу с коррупционными действиями, выявляется значительная проблематика, связанная с применением штрафов в качестве наказания за деяния, имеющие признаки взяточничества. Наблюдается тенденция, при которой свыше 20% осужденных за получение взяток наказываются штрафами, а почти 50% лиц, причастных к их предоставлению, также подвергаются штрафным санкциям [54]. Это распространяется и на лиц, осуществляющих посреднические функции в коррупционных схемах, доля которых достигает приблизительно одной трети от общего числа осужденных за подобные преступления. Следует подчеркнуть, что данные преступления квалифицируются как тяжкие и особо тяжкие, что делает текущую ситуацию в области правоприменения особенно тревожной.

Критический анализ показывает, что законодательные изменения, касающиеся размеров штрафов за коррупционные преступления, не привели к ожидаемому ужесточению ответственности.

Происходило чередование подходов: от фиксированных сумм к кратным размерам и обратно, что, в свою очередь, сказывается на эффективности уголовно-правовой реакции на коррупцию. Такая практика не соответствует заявленным целям уголовной политики по усилению борьбы с коррупционными проявлениями.

В этом контексте представляется целесообразным пересмотреть применение штрафов как основного вида наказания за взяточничество, особенно в случаях, когда деяния сопровождаются квалифицирующими и особо квалифицирующими обстоятельствами.

Также важно осуществить глубокий анализ судебной практики по применению условных наказаний за коммерческий подкуп, что позволит выявить существующие тенденции и определить эффективность таких мер в рамках уголовного законодательства. В частности, внимание следует уделить преступлениям, предусмотренным частями 3, 4, 7 и 8 статьи 204 Уголовного

кодекса Российской Федерации, после внесения изменений Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ, так как они относятся к категории особо тяжких преступлений.

В рамках предложенных мер по совершенствованию санкционной политики включены изменения, касающиеся конкретного набора статей. Эти изменения направлены не только на установление верхних и нижних пределов наказаний, но и на их диапазон сокращения. При этом, когда возникает потребность в назначении менее строгого наказания, его адекватность может быть гарантирована на основании статьи 64 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Дополнительно, мы видим целесообразность расширения законодательного опыта в сфере назначения и исполнения наказаний за тяжкие преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних до 14 лет и террористические преступления на преступления, связанные с коррупцией. В частности, предлагается внести поправки в часть 1 статьи 73 Уголовного кодекса Российской Федерации, исключая возможность условного осуждения за коррупционные преступления с квалифицирующими признаками.

Не менее важно обратить внимание на анализ судебной практики в области уголовной ответственности за коррупционные преступления. Выявлено, что случаи прекращения уголовных дел по статье 25.1 УПК РФ в связи с назначением судебного штрафа встречаются достаточно часто. Примером может служить решение Биробиджанского районного суда Еврейского автономного округа о прекращении уголовного дела в отношении лица, обвиняемого в даче взятки, с назначением штрафа в размере 150 тысяч рублей.

В контексте данных обстоятельств на координационном совещании 9 декабря 2020 года Генеральным прокурором РФ И. В. Красновым была подчеркнута необходимость ограничения применения судебных штрафов к коррупционерам. Это связано с тем, что такая мера уголовно-правового воздействия, применяемая к лицам, совершившим коррупционные

преступления небольшой и средней тяжести, снижает общую эффективность борьбы с коррупцией.

К примеру, в случаях, когда речь идет о высоких коррупционных схемах, зачастую бывает сложно определить, каким образом действия человека повлияли на финансовые потоки и, следовательно, на реальный ущерб. А как мы знаем, судья, принимая решение, основывается на том объеме информации, которая доступна на момент разбирательства. Если информации недостаточно для четкого понимания, то вероятность ошибок в квалификации роста, и наказание может стать не соответствующим совокупности обстоятельств дела.

Помимо этого, важно помнить, что общественное мнение и давление со стороны различных инстанций также могут оказывать значительное влияние на исход дела. Например, в случае громких дел политической коррупции, факторы, не имеющие отношения к анализируемым действиям, могут подменять реальную суть дела.

В итоге все это создает поле для произвольного назначения наказаний, что приводит к правовой неуверенности. Нужно учитывать все многообразие факторов и обстоятельств: связано ли преступление с системной коррупцией в органах власти, какой социальный статус имеют фигуранты, и даже какие общественные реакции провоцируют дела о взяточничестве.

Таким образом, недостаток четкой причинно-следственной связи между действиями виновного и фактическим ущербом, а также внешние факторы, оказывающие влияние на правоприменение, усугубляют проблему назначения справедливого и адекватного наказания. Разработка и внедрение более совершенных механизмов оценки таких связей представляется не только актуальным, но и необходимым шагом к улучшению системы уголовного правосудия в целом.

Заключение

В завершение проведенного анализа уместно отметить, что цели и задачи, поставленные перед исследованием, были успешно реализованы.

Определение уровня общественной опасности коррупционных преступлений представляет собой сложную, многогранную задачу. Справедливое и обоснованное назначение наказания в значительной степени зависит от того, насколько точно судьи, прокуроры и правоохранительные органы способны оценить негативный эффект того или иного преступного деяния на общество.

Однако, коррупция – это не всегда непосредственное насилие или кража, а гораздо более тонкий, скрытый процесс, который может «разъедать» основы общественных и государственных институтов. Зачастую коррупционные действия могут казаться безобидными или малозначительными на первый взгляд. Например, получение взятки за ускорение оформления документов в государственном органе может показаться менее опасным, чем вооруженное ограбление. Однако, именно такие «мелкие» коррупционные нарушения способны подрывать доверие к власти, ведя к системному развитию коррупционных практик. К тому же, существующая юридическая база, которая признает коррупцию преступлением, зачастую не дает достаточно четких критериев для оценки ее общественной опасности.

Вследствие этого, случаи коррупции подлежат интерпретации и могут трактоваться по-разному. Для одних судей важнее неожиданно высокая сумма взятки, в то время как другие будут воспринимать уровень общественной опасности этих действий через призму их последствий для общества в целом. Это приводит к возможным судебным ошибкам и несоответствию назначаемого наказания фактическому уровню угрозы. Непредсказуемость такого подхода порождает доверие к судебной системе и уголовному правоприменению, так как одни и те же деяния могут восприниматься по-разному, в зависимости от субъективного мнения конкретного судьи. Эта диспропорция в оценке уровней общественной

опасности может свести на нет всю строгость наказания, что, в свою очередь, ослабляет сигнал обществу о неприемлемости коррупционных преступлений. Более того, отсутствие строгих критериев еще больше усложняет работу правоохранительных органов, так как они не могут четко обозначить, какие последствия более серьезные, а какие — менее опасные. В результате именно эта неясность в оценке уровня общественной опасности коррупционных деяний создает предрасположенность к легкомысленному отношению к назначаемым наказаниям и снижает общую эффективность борьбы с коррупцией. Выходит, замкнутый круг: чем менее очевидны последствия, тем легче игнорировать коррупционные действия, и, как следствие, наказания, вынесенные в таких случаях, становятся необоснованно мягкими, что способствует дальнейшему распространению коррупционных практик в обществе.

Введение более четких и однозначных формулировок в уголовное законодательство — это действительно актуальная задача, нуждающаяся в проработке. Вся суть этой необходимости заключается в том, что размытые определения и неопределенные формулировки зачастую порождают неоднозначности в интерпретации закона. Знаете, как «двусмысленность» — это враг правоприменения, который, как правило, приводит к тому, что суды и следственные органы натываются на трудности, пытаясь разобраться, что же именно имелось в виду при написании той или иной нормы... А сказать можно, что подобные позиции создают «пепел» для правоприменительной практики.

Взяточничество — это та сфера, где четкость изложения, совершенно необходима, ведь каждый случай, каждое обвинение — это сложный набор обстоятельств, подлежащий подробному анализу. Когда формулировки носят несколько завуалированный характер, то возникает риск, что правосудие не позволит себе должным образом взять на себя ответственность за свои действия и решения. Как результат — снижение доверия к правовой системе... а ведь доверие — это основа стабильности в обществе. Предложения по упрощению формулировок могут включать необходимость изменить структуру закона, ориентируясь на практические кейсы и мнения экспертов.

Например, вместо абстрактных и трактуемых понятий можно использовать более конкретные определения. Это даст возможность уменьшить количество дублирующих норм и одновременно повлияет на ясность. Значит, каждый правозащитник будет точно знать, за что именно (и в каком объеме) может быть привлечен тот или иной субъект. Кроме того, важно наладить диалог между специалистами в области уголовного права и законодателями. Необходимо устраивать круглые столы, на которых будут обсуждаться проблемные точки старых формулировок и предлагаться новые, на собственный взгляд (и не только), понятные решения. К этому стоит добавить, что федеральные и региональные органы должны не просто принимать законы, но и активно их анализировать, выявляя, как эти законы работают в реальной жизни.

На пути к созданию более понятной и эффективной системы уголовного законодательства в сфере борьбы с взяточничеством, четкие формулировки играют ключевую роль. Необходимо не только создать новые правила, но и следить за их выполнением. Так, можно избежать правовых «коллизий», что, безусловно, повысит качество правоприменения и оставит гораздо меньше возможностей для маневра коррумпированным элементам. Необходимо понимать, что закон - это не статичная конструкция, а живой организм, требующий постоянной заботы и улучшений.

Предлагается усилить контроль за деятельностью правоохранительных органов и судебной системы в части борьбы с коррупцией, чтобы минимизировать влияние коррупционных факторов на процесс назначения наказания.

Неоспоримый факт заключается в том, что эффективность борьбы с коррупцией во многом зависит от уровня контроля за действиями правоохранительных органов и судебной системы. Важно, чтобы этот контроль был достаточно жестким и системным, а не ограничивался лишь формальным подходом. Коррупционные проявления могут не только подрывать общественное доверие к институтам власти, но и сводить на нет все усилия, направленные на создание справедливого правосудия. Безусловно,

необходимо формировать такой механизм, который позволит минимизировать влияние коррупционных факторов на процесс назначения наказания. Сначала, стоит упомянуть о внедрении независимых органов надзора, которые могли бы осуществлять проверку действий правоохранителей и судей. Эти органы, дополненные квалифицированными экспертами в области права и антикоррупционной политики, будут способны проводить регулярные, а не разовые проверки. Ведь коррупция, как известно, имеет множество лиц и форм, и не всегда может быть выявлена при изолированном подходе к расследованиям.

Необходимо рассмотреть возможность создания «горячих линий» и специальных интернет-платформ, где граждане могли бы анонимно сообщать о фактах коррупции и давлении со стороны правоохранительных органов. Контроль в части анонимности станет мощным стимулом для граждан, которые боятся преследования, однако готовы предоставить информацию о правонарушениях.

Обеспечение эффективного контроля – это не просто задача, это неотъемлемая часть системы, которая может работать только в условиях доверия и прозрачности. Ключевым моментом здесь является открытость информации. Установление прозрачных критериев оценки работы правоохранительных органов и судебной системы может стать решающим шагом на пути к искоренению коррупционных практик. Параллельно, стоит обратить внимание на повышенное внимание к обучению и повышению квалификации как сотрудников полиции, так и судей. Они должны быть вооружены знаниями о новых методах борьбы с коррупцией и способами минимизации ее проявлений в коллективах.

Таким образом, усиление контроля за деятельностью правоохранительных органов и судебной системы, регулярные проверки их работы, а также создание открытых и доступных каналов связи с обществом – это важнейшие аспекты в борьбе с коррупцией и недопущении ее негативного влияния на юридическую практику, что, безусловно, способствует более справедливому и объективному процессу назначения наказания.

Список использованной литературы и используемых источников

1. Абрамов Н. (Переферкович, Н. А.) Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5000 синонимических рядов, более 20000 синонимов / Н. Абрамов. – 8-е изд., стер. - М. : Русские словари, 2008. 667 с.
2. Аглямова Г. Н. Криминологическая характеристика коррупционной преступности в сфере местного самоуправления и ее предупреждение: 246 специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Аглямова Гульназ Махияновна ; Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2016. 177 с.
3. Агузаров Т.К. Уголовно-правовые проблемы охраны власти (история и современность) : монография / Т.К. Агузаров, Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. – М. : Проспект, 2016. 332 с.
4. Александров А. С. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики : монография / А.С. Александров, И.А. Александрова. - М. : Юрлитинформ, 2017. 607 с.
5. Алексеева М. Б. Теория систем и системный анализ : учебник и практикум для вузов / М.Б. Алексеева, П.П. Ветренко. - М. : Издательство Юрайт, 2020. 304 с.
6. Андреева Л.В. Закупки товаров для федеральных государственных нужд: правовое регулирование / Л.В. Андреева. - М. : Волтерс Клувер, 2011. 316 с.
7. Антонян Ю.М. и др. Личность преступника и профилактика преступлений: монография / Ю.М. Антонян и др.; под ред. Ю.М. Антоняна. - М. : Проспект, 2017. 220 с.
8. Апелляционное определение Архангельского областного суда от 26 августа 2013 г. по делу № 33-4893/2013. [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/472676962> (дата обращения: 14.10.2023).

9. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 сентября 2013 г. № 86-АПУ13-7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/> (дата обращения: 14.10.2023).

10. Апелляционное определение Московского городского суда от 13 июня 2013 г. по делу № 10-3277. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/339430462/> (дата обращения: 22.10.2023).

11. Апелляционное определение Новгородского областного суда от 27 января 2015 г. по делу № 1-159/14-22-44/15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-novgorodskii-oblastnoi-sud-novgorodskaia-oblast/?page=2> (дата обращения: 22.10.2023).

12. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 15 февраля 2016 г. № 22-206/2016 по делу № 1-24/2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc> (дата обращения: 23.10.2023).

13. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 15 марта 2018 г. по делу № 22-866/2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://actofact.ru/case-66OS0000-22-866-2018-2018-01-19-2-1> (дата обращения: 23.10.2024).

14. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 29 марта 2017 г. по делу № 22-1898/201. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://oblsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&na (дата обращения: 23.10.2024).

15. Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 10 июля 2015 г. по делу № 33-4399/2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://actofact.ru/case-27OS0000-33-4399-2015> (дата обращения: 23.10.2024).

16. Бадалов А.Э. Ответственность за преступления коррупционного характера в международном уголовном праве // Общество и право. 2018. № 2(64) 62. С. 58-62.

17. Бражник Ф., Толкаченко А. Некоторые актуальные вопросы квалификации получения взятки // Уголовное право. 2000. № 1. С. 11-15.

18. Гордеев Р.Н. Момент окончания преступления, предусмотренного частью 5 статьи 291.1 УК РФ. // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXII международной научно-практической конференции (4-5 апреля 2019 г.): ч. 1. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019.С. 243-246.

19. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: [Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ : принят Гос. Думой 22 декабря 1995 г. : текст с изм. и доп. на 18 марта 2019 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. Грошев А.В., Камышанский В.П. Обычный подарок или взятка: проблемы соотношения в Российском законодательстве // Власть Закона. 2019. № 3 (39). С. 18-38. 14.

21. Далевич В.О. Отграничение получение взятки от коммерческого подкупа и мошенничества // Научное сообщество. Междисциплинарные исследования. Электронный сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. М. 2017. С. 63-64.

22. Демидова В.В. Классификация преступлений в сфере коррупции // Научное сообщество. Междисциплинарные исследования. Электронный сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. М. : 2021. С. 60-69.

23. Изосимов С.В. Уголовно-правовые средства противодействия коррупции и взяточничеству: современное состояние и проблемы совершенствования // Юридическая техника. 2012. № 6. С..191-197.

24. Калпинская О.Е. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика коррупционной преступности: монография / О.Е. Калпинская. – Великий Новгород : Новгородский гос. ун-т, 2017. 136 с.

25. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2012 г. № 206-О12-3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/961a671ce21da6ec1ed11624df93b79c> (дата обращения: 21.10.2024).

26. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2012 г. № 77-О12-13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://garant.ru/products/ipo/prime/doc/404939567/> (дата обращения: 21.10.2024).

27. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2012 г. № 48-О12-112. . [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://garant.ru/products/ipo/prime/doc/404939567/> (дата обращения: 21.10.2024).

28. Кассационное определение Московского городского суда от 8 декабря 2010 г. № 22-14871. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://garant.ru/products/ipo/prime/doc/404939567/> (дата обращения: 21.10.2024).

29. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: [Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 декабря 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г. : текст с изм. и доп. на 27 декабря 2019 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

30. Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г., с учетом поправок, внес. Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

31. Крюков В.В. Методика расследования должностных преступлений коррупционной направленности: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность»: автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / В.В. Крюков. - Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, 2011. 26 с.

32. Кулакова М.Н. Понятие и критерии юридической оценки коррупционного преступления //Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 176-182.

33. Любавина М.А. Квалификация взяточничества (ст. ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ): консп. лекций / М.А. Любавина. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2018. 155 с.

34. Магуза А. Особенности криминализации обещания и предложения взятки в свете международных антикоррупционных обязательств // Уголовное право. 2013. № 5. С. 91-93.

35. Макаров С.Д. Характеристика преступных проявлений коррупции / С.Д. Макаров // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика / Рос. криминолог. ассоц., Науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка; [Редкол.: А.И. Долгова (отв. ред.) и др.]. - М. : Российская криминологическая ассоциация. 2002. С. 45-83.

36. Максимов С. Коррупционная преступность в России: правовая оценка, источники развития, меры борьбы / С. Максимов // Уголовное право. 1999. № 2. С. 110-118.

37. Мальцев В.В. Объект преступления в уголовном законодательстве и в теории уголовного права: постановка проблемы / В.В. Мальцев // Вестник Волгоградского ун-та. Серия «Юриспруденция». 2010. № 2 (13). С. 136-145.

38. Марданов А.Б. Сравнительное криминологическое исследование личности коррупционных преступников, осужденных за взяточничество и коммерческий подкуп / А.Б. Марданов // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4. С. 61-65.

39. Мацкевич И.М. Противодействие коррупции: учебное пособие / С.В. Максимов, О.А. Инсаров, А.В. Павлинов. - М. : Проспект, 2019. 192 с.

40. Меркурьев В.В. Коррупция, организованная преступность и правоохранительные органы / В.В. Меркурьев / Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции «Состояние противодействия коррупции и направления совершенствования борьбы с ней». М.: Российская криминологическая ассоциация. 2015. С. 24-30.

41. Мирошниченко Д.В. Коррупция и уголовно-правовое воздействие на нее: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Мирошниченко Д.В. Саратовская государственная академия права. Саратов. 2009. 30 с.

42. Назарова Д.С. Вопросы криминализации мошенничества в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд / Д.С. Назарова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. № 1. С. 117-122.

43. Назарова С.С. Правовое регулирование получения подарка лицами, замещающими государственные должности и государственными служащими // В сборнике: «Актуальные проблемы гражданского процесса: взгляд молодого ученого: сборник Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Пермь. 2019. С. 214-218.

44. Некрасова Т.А. Коррупционная преступность в коммерческих организациях как объект криминологического исследования / Т.А. Некрасова // Мониторинг правоприменения. 2014. № 1 (10). С. 44-47.

45. О едином учете преступлений: Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. (текст с изм. и доп. на 15 декабря 2019 г.). Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

46. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением

споров о применении пункта 9 части 1 статьи 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 сентября 2016 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

47. Онуфренко А.В. Коррупционная преступность // Мониторинг правоприменения. 2023. № 1 (10). С. 44-47.

48. Онуфриенко А.В. Система преступлений коррупционной направленности: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук 250 / Онуфриенко Андрей Васильевич; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М. 2015. 234 с.

49. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 октября 2016 г. № 2252-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лебедева Василия Валентиновича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 290 Уголовного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 11.04.2024).

50. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2018 г. № 2137-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Клевцова Евгения Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьями 43, 46 и 290 Уголовного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 11.04.2024).

51. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2015 г. № 204-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хедояна Армана Сосиковича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 291 Уголовного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 11.04.2024).

52. Осипова С.Б. Государственные нужды: понятие и критерии

определения / С.Б. Осипова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2015. № 1. С. 98-103.

53. Паламарчук А.В. Взаимодействие прокуроров с органами контроля в финансово-бюджетной сфере / А.В. Паламарчук // Финконтроль. 2016. № 3. С. 53-56.

54. Паршин И.С. Причины и условия коррупционной преступности / И.С. Паршин // Российский следователь. 2014. № 1. С. 36-40.

55. Пахомов В.Н. Получение взятки как отдельный состав преступления // Актуальные проблемы реформирования современного законодательства: сборник статей Международной научно-практической конференции. М. 2017. С. 185-187.

56. Пинаев А.М. Квалификация определения провокатора // Молодой ученый. 2023. С. 32-39.

57. Пинкевич Т.В. Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере конкуренции: постановка проблемы / Т.В. Пинкевич // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 70-75.

58. Пинкевич Т.В. Противодействие экономической преступности в современной России / Т.В. Пинкевич // Уголовная политика на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции / Министерство внутренних дел Российской Федерации, Академия управления МВД России; [редакционная коллегия: Воронин М.Ю. (председатель) и др.]. М. : Академия управления МВД России. 2018. С. 151-157.

59. По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа: Постановление Конституционного Суда от 11 декабря 2014 г. № 32-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

60. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об

административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова // Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2010 г. № 15- П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

61. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян // Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 г. № 8-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс/

62. Понкратов В.П. Коррупционные связи // Молодой ученый. 2023. С. 32-39.

63. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48. «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 11.04.2024).

64. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 11.04.2024).

65. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 11.04.2024).

66. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 11.04.2024).

67. Постановление Президиума Верховного Суда Чувашской Республики от 25 июля 2018 г. № 44У-39/2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 11.04.2024).

68. Приговор Дорогомиловского районного суда г. Москвы от 9 октября 2017 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. [Электронный ресурс] сайт. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 20.05.2023).

69. Приговор Ленинского районного суда Санкт-Петербурга от 16 ноября 2016 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 12.08.2023).

70. Приговор Московского районного суда г. Санкт-Петербурга от 30 января 2014 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 20.05.2023).

71. Приговор Октябрьского районного суда г. Ижевска от 25 мая 2017 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 20.05.2023).

72. Приговор Русско-Полянского районного суда Омской области от 4 сентября 2017 г. // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 10.09.2023).

73. Приговор Свердловского областного суда от 22 ноября 2010 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 15.04.2023).

74. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 29 октября 2013 г. № 631 «Об утверждении Типового положения (регламента) о контрактной службе». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 11.04.2024).

75. Противодействие коррупции: учебник и практикум / И.В. Левакин, Е.В. Охотский, И.Е. Охотский, М.В. Шедий; под общ. ред. Е.В. Охотского. - М. : Юрайт, 2018. 427 с.

76. Рожавский З.Д. Преступления, совершаемые с использованием фирм-однодневок: механизм и предупреждение: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на

соискание учен. степ. канд. юрид. наук / З.Д. Рожавский; Саратовская государственная юридическая академия. Саратов, 2018. 260 с.

77. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ// Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

78. Указ Президента Российской Федерации от 1 апреля 2016 г. № 147. «О Национальном плане противодействия коррупции» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 11.04.2024).

79. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. О «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/doc> (дата обращения: 11.04.2024).

80. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 11.04.2024).

81. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/doc> (дата обращения: 11.04.2024).

82. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 396-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 11.04.2024).

83. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 11.04.2024).

84. Фомина В.Е. Проблемы квалификации получения взятки // NaukaRastudent.ru. 2017. № 3. С. 25-26.

85. Черябкина К.Ю. К вопросу об объективной стороне получения взятки//Актуальные вопросы науки и практики. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. М.: 2016. С. 407-412.

86. Шарапов Р.Д. Деньги, ценные бумаги и иное имущество. Как предмет взятки: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Академический вестник. 2013. № 1 (23). С. 180-188.

87. Шеслер А.В. Соотношение пособничества и посредничества во взяточничестве//Правовые проблемы укрепления российской государственности. 2014. Ч. 62. С. 32-34.

88. Яковлев К.Б. Проблемы привлечения к уголовной ответственности (на примере ст. 290, 290.1, 204, 204.1 УК РФ) // Современное право, 2015. № 12. С. 34-38.

89. Acemoglu, D.; Verdier, Th. Property rights, corruption and the allocation of talent: a general equilibrium approach. Econ. Journal. Cambridge etc., 1998. Vol. 108. № 450. P. 1381-1403.

90. Acemoglu, D.; Verdier, T. The choice between market failures and corruption. Amer. econ. Review. Nashville, 2000. Vol. 90, №1. P. 194-211.

91. Bradley, A. W. Parliamentary privilege and the common law of corruption: R. v. Greenway and others // Publ. law. L.,1998. Autumn. P. 356-363.

92. Cohen, S. Crime and politics: spot the difference // Brit. j. of sociology. 83 L., 1996. Vol. 47, №1.P. 1-21.

93. Davoodi, H. Roads to nowhere : How corruption in publ. investment hurts growth. Wash.: Intern. monetary fund, 1998. - III, 12 p.

Приложение А

Распределение ответов граждан и сотрудников правоохранительных органов

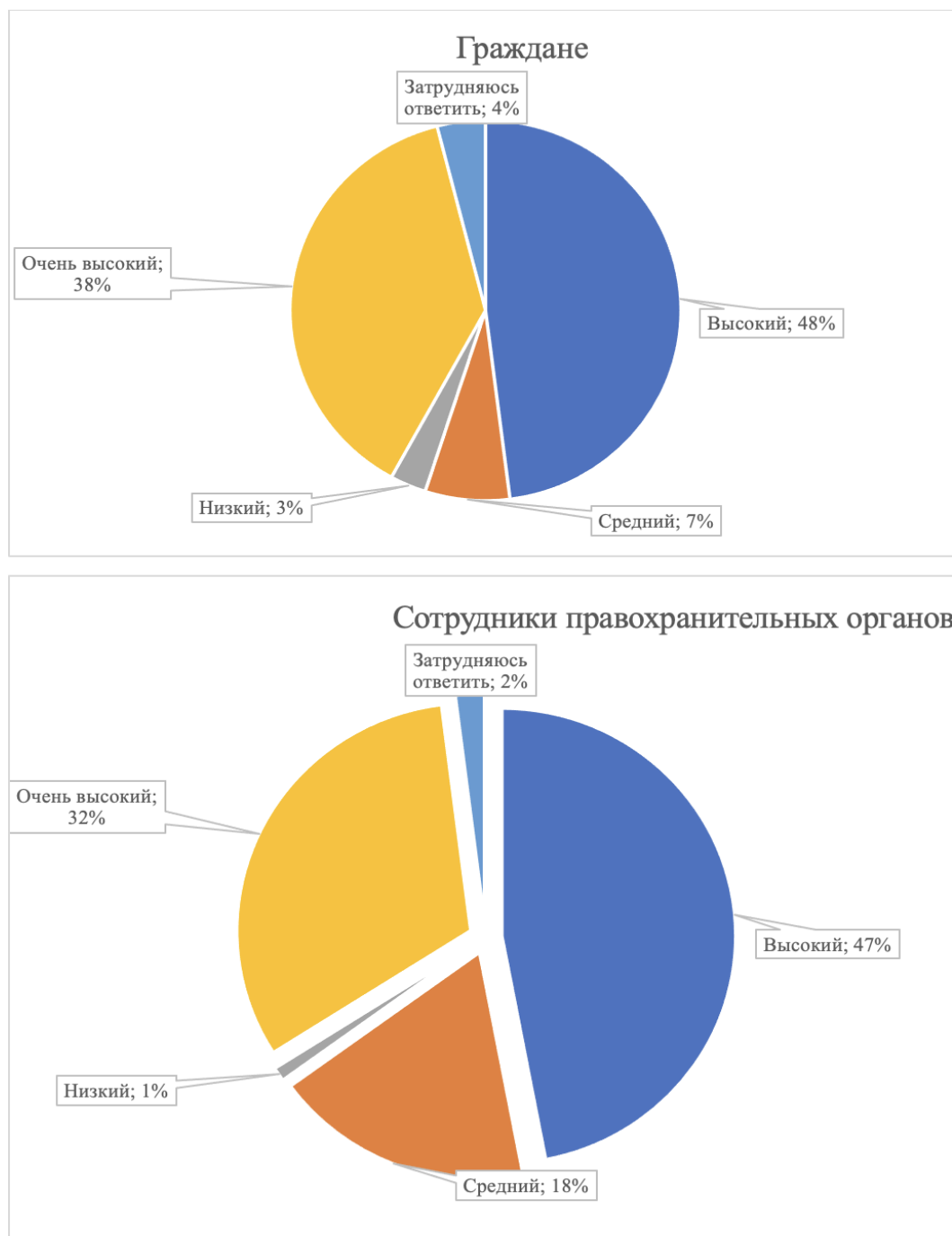

Рисунок А.1 – Распределение ответов (в%) граждан и сотрудников правоохранительных органов на вопрос: «Как Вы оцениваете уровень распространенности преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, в настоящее время в нашей стране?»»

Приложение Б

Распределение ответов (в %) граждан и сотрудников правоохранительных органов на вопрос: «Как Вы считаете, количество зарегистрированных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, соответствует действительному?»»

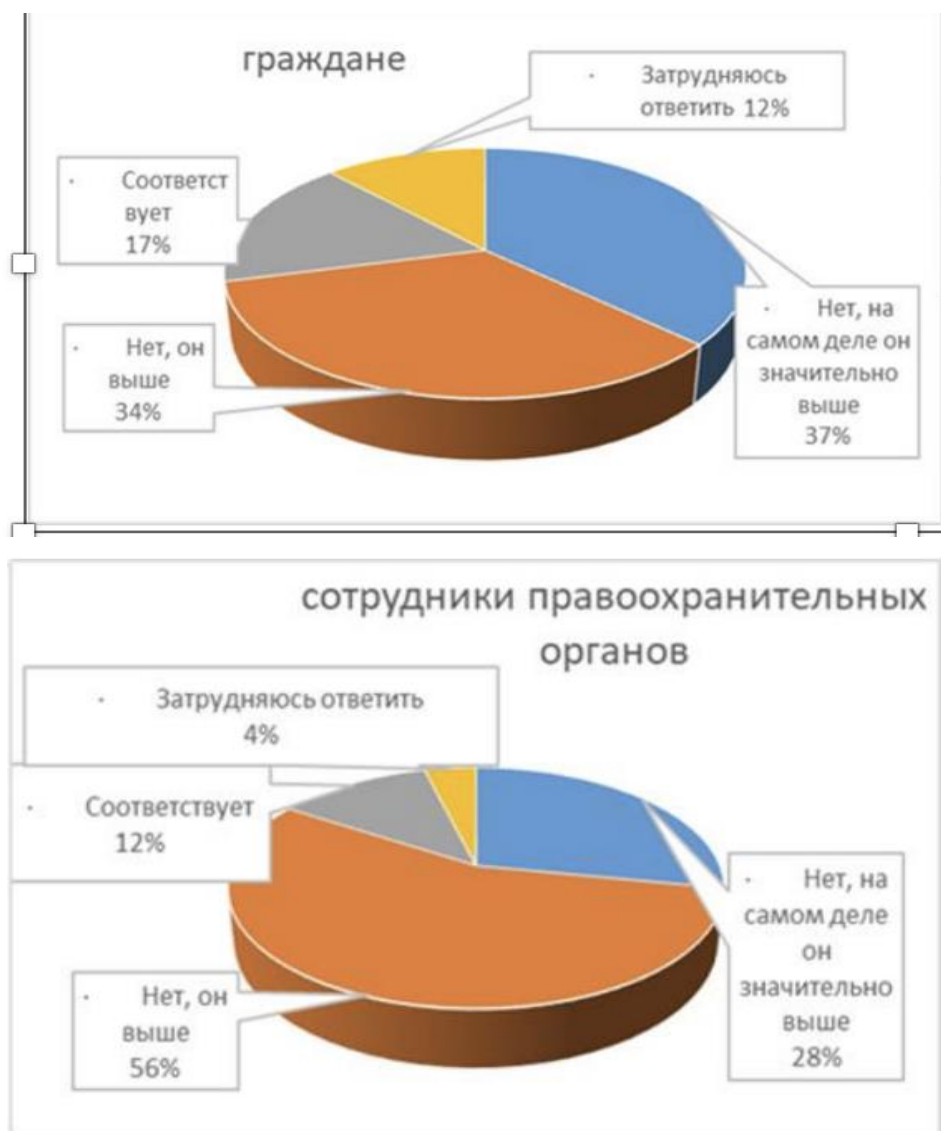

Рисунок Б.1 – Распределение ответов (в %) граждан и сотрудников правоохранительных органов на вопрос: «Как Вы считаете, количество зарегистрированных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, соответствует действительному?»»

Приложение В

Результаты анкетирования граждан и сотрудников правоохранительных органов относительно уровня коррупции и видов коррупционных услуг, а также причин и противодействия коррупции

Рисунок В.1 – Результаты анкетирования граждан и сотрудников правоохранительных органов относительно уровня коррупции и видов коррупционных услуг, а также причин и противодействия коррупции

Приложение Г

Динамика преступлений, связанных со взяточничеством и иными коррупционными преступлениями в Российской Федерации

Таблица Г.1 – Динамика преступлений, связанных со взяточничеством и иными коррупционными преступлениями в Российской Федерации

Виды преступлений	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Получение взятки (ст. 290 УК РФ)	3988	4174	5020	5540
Дача взятки (ст. 291 УК РФ)	3174	3649	4499	4716
Посредничество во взяточничестве (ст. 292 УК РФ)	1297	1451	2041	1881
Мелкое взяточничество (ст. 290 УК РФ)	5408	5274	4031	7353